

всепутная история в романах

Владимир МОСКАЛЕВ

КОРОЛЕВА БЛАНКА

Всемирная история в романах

Владимир Москалев

Королева Бланка

«ВЕЧЕ»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Москалев В. В.

Королева Бланка / В. В. Москалев — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-1963-8

Франция. XIII век. Умирает король Людовик по прозвищу Лев. Корона должна перейти к старшему сыну, но тому всего двенадцать лет. Кому же доверить заботу о государстве, пока новый король не возмужает? Баронам? Они не будут долго ждать, чтобы разорвать страну на куски и поделить. Из всех доверенных лиц остаётся только любимая жена – Бланка. Она позаботится, чтобы наследство сына оставалось в целостности и, вероятно, даже преумножилось. Вот так и получилось, что забота о благе Франции легла на хрупкие женские плечи...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-1963-8

© Москалев В. В., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Об авторе	6
Часть первая. Вдова	8
Глава 1. Последний поход Людовика VIII	8
Глава 2. Влюбленный дезертир	11
Глава 3. Скорбная весть	15
Глава 4. Коронация	19
Глава 5. Завещание покойного короля	26
Глава 6. Этапы прошедшего пути	31
Глава 7. Нежданная гостья	38
Глава 8. Заговорщики	45
Глава 9. Бескровная победа	51
Глава 10. Его преосвященство кардинал де Сент-Анж	56
Глава 11. Агнесса де Боже хочет любить	61
Глава 12. Женщина идет защищать Францию!	66
Глава 13. Новый бунт	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Москалев

Королева Бланка

© Москалев В.В., 2020

© ООО «Издательство „Вече“, 2020

© ООО «Издательство „Вече“, электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Владимир Васильевич Москалев родился 31 января 1952 года в Ростове-на-Дону. Там прошло его детство. В школу пошел, когда переехали с отцом в Москву (нынешний район Печатники), и в 1969 году окончил 10 классов (уже в Кузьминках). К этому времени относятся его первые литературные опыты – следствие увлечения приключенческими романами. Это были рассказы – наивные, неумело написанные. Именно с них и начался творческий путь писателя, и тогда же им овладела мечта написать исторический роман. Вот как он сам вспоминает о том времени: «Мне было в ту пору 17 лет. Впервые я прочитал „Королеву Марго“ А. Дюма и понял, что пропал. Захлопнув книгу, сказал сам себе: „Клянусь, напишу такую же! Если Дюма сумел, почему не смогу и я? Отныне – вот цель, которой посвящу свою жизнь“». Над ним смеялись, крутили пальцем у виска, прочили ему другое будущее, но все было напрасно. Мысль стать писателем не оставляла его, а жизнь между тем диктовала свои законы.

Надо было куда-то поступать учиться. «Чтобы писать, ты должен хотеть и уметь это делать», – вычитал Володя у кого-то из классиков. Значит, литературный институт. Литературу в школе он не любил, историю терпеть не мог. На этих уроках он засыпал: ему было неинтересно, скучно. С остальными предметами, исключая иностранный язык, дело обстояло не лучше. Как следствие – аттестат запестрел тройками. Какой уж тут институт... Но все же попробовал, в один, другой... Результат, как и полагал, – плачевный. Выход один: работа. Без специальности, без навыков... Выручила армия. Окончил автошколу ДОСААФ, получил права. Затем поступил в аэроклуб (тоже от военкомата). Днем работал, вечером учился. Спустя два года – пилот запаса ВВС.

Простившись с аэродромами, Владимир вернулся домой. Работал шофером, освоил специальность сантехника. Вскоре пришел вызов из летного училища, и он уехал в Кременчуг, а оттуда по распределению – на Север, в Коми АССР. К тому времени им было написано около 15 рассказов, но начинающий литератор никуда их не отсылал, понимая, что пока это только рабочий материал, еще не готовый к печати. Отточив перо, Москалев начал писать свой первый роман о Генрихе IV и через год закончил его. Отнес главу в одно из местных издательств, там округлили глаза: «Признайтесь честно, откуда вы это списали? Автор текста – кто-то из зарубежных писателей».

Вернувшись в Москву, Владимир отдал рукопись романа в литконсультацию и получил ответ: «Никуда не годится, совсем не знаете эпоху, хотя и обладаете богатым воображением». И он с головой окунулся в XVI век. Днями не вылезал из библиотек: изучал архитектуру Парижа, одежду дворян, их образ жизни, нравы, речь – и читал, читал, читал... Одновременно писал новые рассказы и в который уже раз переделывал старые, продолжавшие ему не нравиться. Первый роман он забросил и написал три новых. Отнес в издательство. Редактор с любопытством полистал рукопись: «Франция? XVI век? Оригинально... Не каждому по плечу. Что ж, попробуем издать». И издали.

Так сбылась мечта. Ну разве опустишь руки? Владимир продолжает много и плодотворно заниматься литературным творчеством. В его писательском багаже кроме романов есть басни о нашей сегодняшней жизни, о людях – хороших и плохих, есть два сборника рассказов, действие которых происходит в России второй половины XX века. Кроме того, Владимир продолжает свое путешествие в далекое прошлое французской истории и пишет пьесы о франкских королях – Хлодвиге, Хильперике I, Тьерри III. Остальные пьесы (а их пять) продолжают эпопею «ленивых королей».

Избранная библиография В.В. Москалева:

«Великий король» (1978)

«Гугеноты» (1999)

- «Екатерина Медичи. Последняя любовь королевы» (2001)
- «Варфоломеевская ночь» («Свадьба на крови») (2002)
- «Нормандский гость» («Гуго Капет», ч. 1, 2014)
- «Король франков» («Гуго Капет», ч. 2, 2014)
- «У истоков нации. Франки. Пять королей» (пьесы, 2015)
- «Истории о былом» (рассказы, 2015)
- «Два Генриха» (2016)

Часть первая. Вдова

Глава 1. Последний поход Людовика VIII

XII и XIII века – эпоха, обильная ересями. Катары, вальденсы, арнольдисты – каких только сект нет в Европе. И каждая со своим учением, во многих местах Священного Писания противоречащим учению Римской церкви. Больше всех досаждали Папе катары, на юге Франции звавшиеся альбигойцами. Народ слушал их проповедников, жадно впитывал их речи, в которых катары не признавали Папу и обличали церковников: продажность клира, его лживость, лицемерие, роскошь. Разве этому учил Христос? Церковь негодует, противится, ибо изначально хитра, порочна и лжива. Она пытается убить ересь, посылая своих миссионеров в «зараженные» области. Происходит словесный диспут. Что же предпринимает Церковь, понимая, что разбита в этом споре? То же, что один из спорщиков, проигравший в «поединке языков». Наглец и невежа, он в бессилии пускает в ход кулаки – единственное оставшееся у него оружие. Так же поступает и Церковь – превращается в труса и подлеца, призывая к насилию. Только так ее противник может быть уничтожен, поскольку умом она его не переборола. Тактика гнусного негодяя и заячьей души. Его оружие – крестовый поход. Карающая длань – крестоносцы, французские рыцари.

Весной 1226 года король Франции Людовик VIII отправился с войском в Окситанию. В третий раз по призыву Папы он предпринимает крестовый поход на Юг. Семнадцать лет уже сопротивляются еретики королевской армии.

Первый поход Людовик совершил в 1215 году, еще при жизни отца. Кампания оказалась на руку Симону де Монфору, покорителю альбигойцев, – тот осмелился вступить в Тулузу лишь вместе с принцем, посланным сюзереном, Филиппом Августом. Уже здесь с уверенностью можно было сказать, что Монфор не удержится на Юге и ему наследует французский король.

После смерти Симона де Монфора его сын Амори, чувствуя свое бессилие в деле дальнейшего искоренения ереси на Юге (его выгнали из Тулузы), воззвал к королю Франции, и в 1219 году, спустя три года после неудачной попытки занять английский престол, принц Людовик снова отправился в Лангедок. Папа Геласий благословил святое дело, и вновь началась резня мирных жителей по подозрению в катаризме, и запылали костры, как десять лет назад в Безье.

Однако Тулузу не удалось взять: при приближении королевского войска город закрыл ворота. Полуторамесячная осада ни к чему не привела, и в начале августа принц вернулся во Францию. Южане ликовали. Теперь можно отвоевывать города, покоренные Симоном де Монфором: когда это еще король организует следующий поход, а Амори слаб, куда ему до отца. Скорее всего, он все отдаст французам и уберется восвояси.

Так и случилось. В 1224 году Амори де Монфор уступил новому королю Людовику VIII свои права на покорение Лангедока. Папа Гонорий IV, поколебавшись было, дал согласие – не слишком-то он доверял обещаниям тулузского графа Раймонда VII искоренить ересь в своем регионе. Одновременно Папа направил во Францию легата – кардинала Ромена де Сент-Анжа – в помощь королю. Это было время конца перемирия с Плантагенетом – удобный момент для похода на Пуату. Королю подчинился Гуго де Лузиньян, принесший оммаж за свои графства. Мы еще поговорим о нем. А пока он помог Людовику – во всяком случае, не мешал ему – взять Ла-Рошель. У английского короля осталась только Гасконь.

И вот теперь, спустя семь лет, – третий поход. Та же Тулуза. Камень преткновения. Долина Роны в страхе. Все города спешат изъявить покорность. Неудивительно – дух южан

упал: семнадцать лет уже идет война, тысячи людей перебиты. До сопротивления ли королевской армии? Однако и та чувствовала себя не лучшим образом: болезни, дезертирство разрушили ее. Авиньон, к удивлению, выказал сопротивление, но через три месяца был взят. Впереди Монпелье, Безье, Каркассон, Тулуза, но тут граф Тибо IV Шампанский¹ испортил все дело. Истекли сорок дней вассального договора, и в конце июля, не дожидаясь капитуляции города, Тибо покинул короля. Вместе с ним, поддавшись на его увещевания, дезертировали со своими людьми герцог Бретонский Пьер Моклерк² и Гуго де Лузиньян, граф де Ла Марш. Едва они отбыли, как через некоторое время Людовик почувствовал недомогание. Глупая болезнь – бич походов – прицепилась, как назло. С каждым днем королю становилось все хуже. До осады ли тут? И он отдает приказ отправляться домой, в Париж. На пути – сеньория Монпансье и город чуть ли не на границе с Бурбонами. Здесь король приказывает остановиться. Дизентерия, прогрессируя, окончательно валит его с ног. Доктора в бессилии разводят руками и опускают головы.

Король чувствовал, что умирает. Боже мой, за что? Ведь ему всего тридцать девять лет! Чем прогневил он Господа, что тот отпустил ему такой малый срок жизни, а главное – царствования! Всего три года! Где ты, Божья справедливость, где всемогущество Твое, о небесный Вседержитель! За что кару такую посылаешь Ты? Чем не угодил Тебе молодой король, помазанник Твой на царство, которое теперь Ты отнимаешь у него!..

И тут Людовик встрепенулся. Силы небесные! Ведь он не оставил завещания! Причина была: поход не выходил за пределы королевства. Но что же теперь, после него?.. Чью голову увенчает корона? Сына, разумеется, кого же еще. Людовика, старшего из всех. Ему уже двенадцать, стало быть, в таком возрасте он и станет королем... А при нем? Бароны³, которые не замедлят управлять мальчиком в своих интересах. И вот она – раздробленность, развал, и нет державы, которой отдал свою жизнь его отец. К тому же есть еще претендент на престол – сын Филиппа Августа от Агнессы Меранской, граф Булонский Филипп Юрпель, прозванный Строптивым. Не за ним ли пойдут бароны?

Какой же выход?.. Бланка! Любимая жена. Ей доверить королевство, больше никому, а к ней приставить верных людей. Кого же? Первым – Герена. Он стар, ему уже за семьдесят, но он подскажет, научит, он умеет... Верный друг отца. Они начинали вместе, когда Филиппу было всего четырнадцать. Затем Бартеlemi де Руа и Жан де Нель. Тоже старики, но до гроба верны короне. Кроме них друзья, в которых Людовик более или менее уверен: граф Булонский Филипп, графы де Монфор и де Сансер, Бурбон и де Куси, архиепископы Санса и Буржа, епископы Нуайона и Бове, семейство де Немур... Но прежде первые трое. Им надлежит услышать последнюю волю короля, им должен он сказать самое важное, пока еще не поздно!

– Герен, Руа, де Нель! – позвал Людовик и поманил пальцем преданных друзей.

Они стояли рядом, им осталось только поклониться.

Его голос был уже слабым, но в наступившей тишине его могли еще услышать другие, те, о ком он только что думал.

– Архиепископ... ближе, ближе, – попросил Людовик. – Читай, что тебе положено, перед отходом христианина в вечность, в царство небесное, и отпускай мне грехи мои, которых, видит Бог, не так уж и мало.

¹ Тибо IV Шампанский (1201–1253) – сын Тибо III и Бланки Наваррской, сестры короля Наварры Санчо VII. Его бабка Мария была дочерью Людовика VII. Тибо приходился троюродным братом Людовику IX, а также троюродным племянником Бланке Кастильской и графу Тулузскому Раймонду VII. (Здесь и далее – примечания автора.)

² Прозвище «Моклерк», то есть «Невежа», герцог Бретонский получил за то, что постоянно ссорился с представителями духовенства, в чем был схож с императором Фридрихом II. Под угрозой отлучения от Церкви был вынужден отправиться в крестовый поход.

³ Барон (сир, сеньор) – вассал короля или представителя высшей знати, не имеющий официального титула.

И устремил глаза ввысь. Грехи... Какие же? Супругу он горячо любил, об измене ей даже не помышлял. И она верила ему, зная тем не менее, об особенностях походной жизни. Замахнулся на английский престол? Да что там, был уже избран королем! Грех ли это? Как знать, Богу виднее. Должно быть, и спровадил Всевышний Безземельного в могилу, чтобы одумалась знать и усадила на трон своего короля, английского, мальчика еще... Но вот грехи, которые не снять с души, – люди, безвинно загубленные в трех походах. Сотни, тысячи! Безжалостно изрубленные, заколотые, сожженные иноверцы – старики, матери, даже дети... Всё потому, что верили не так, как хотелось Риму, где восседает убийца из убийц – наместник Бога на земле Папа Римский. Может, болезнь эта и есть расплата за Безье, Лавор, за Марманд, где вырезали пять тысяч жителей во славу истинной веры, как учит тому Римская церковь? Хотя избиение в первых двух – дело рук Симона де Монфора.

Вечер неспешно окутывал землю. Чадили факелы в руках у слуг. За стенами замка слышалось конское ржание и гудел ноябрьский ветер, раздувая разбросанные по равнине костры королевского войска.

А Готье Корню уже бубнил над умирающим королем зауспокойную молитву. Внезапно Людовик перебил его, широко раскрыв глаза, вытянув в сторону руку:

– Бланка! Пусть приведут мою жену! Немедленно пошлите за ней в Париж! Быть может, гонец еще успеет. Отправляйся ты, Бурбон, мой близкий друг. Скорее же! Торопись, Аршамбо! Я должен проститься...

Сир де Бурбон торопливо вышел и через минуту умчался.

Король дослушал архиепископа, обвел глазами присутствующих – всех, около двадцати человек – и сказал им то, что определило возведение на престол нового короля:

– Приказываю вам всем после моей смерти принести клятву верности моему сыну Людовику. Немедленно же коронуйте его!

Молчание в ответ, хотя именно этих слов и ждали от него.

– А в случае его неожиданной смерти? – захотел уточнить кто-то.

– Другого сына, Робера.

Потом снова поманил рукой тех троих, старых соратников Филиппа Августа:

– Позаботьтесь о моих детях. Не дайте в обиду. Они Капетинги, кровь от крови моей и моего отца.

Все трое склонили головы, а Людовик покосился: пишет ли клирик? Пишет, и это будет самый важный документ. Другого Людовик не продиктовал. Забыл или намеренно не упомянул о Бланке Кастильской, матери юного короля?.. Знал, что бразды правления возьмет в руки она. Кто же еще? Ведь она мать. Королева! А теперь – вдовствующая королева-мать. Она крепка, сильна духом, и Людовик верил ей. Она прошла большую жизненную школу при свекре Филиппе и при своем супруге. Она сумеет, она знает, что делать, как не допустить мятежа, который неминуемо возникнет.

Архиепископ Санса, всецело преданный короне, обратил на пользу государству момент, когда короля слышали только трое. Подойдя к клирику, он спешно стал ему что-то диктовать. Те двое, что рядом с ним, переглянулись. Таких слов король не говорил! Архиепископ так посмотрел на них, что они, побледнев, молча потупили взоры и подписались там, где указал им Готье Корню, тот, кому они беспрекословно подчинялись.

– Герен, де Руа, де Нель! – снова позвал Людовик троих и сказал им, но тихо, чтобы слышали только они:

– Берегите Бланку...

И впал в беспамятство. Архиепископ кивнул: он принял верное решение, поступив согласно своей чести и долгу перед короной. Теперь самое важное: подпись короля!

Глава 2. Влюбленный дезертир

А Тибо Шампанский торопился в Париж, чтобы скорее увидеть Бланку Кастильскую. Увидеть раньше всех, пасть перед ней на колени и спеть новую песню о любви к даме своего сердца!

Давно уже, еще при жизни короля Филиппа, он был пленен ее обаянием и красотой. Прошло совсем немного времени, и он понял, что влюблен. Произошло это на коронации ее мужа, в Реймсе, в августе 1223 года. Такой прекрасной она ему показалась тогда в светло-зеленом платье, усыпанном драгоценностями, и с короной на голове, так чарующе она улыбалась, и столь величавы были ее поступь и жесты, столь пленили взор высокая грудь, алые губы и властный взгляд, что сей же час потерял молодой граф голову от любви. Он был очарован испанкой, повержен ею в прах, чуть не бросился перед ней на колени прямо у ступеней алтаря. Спасибо вовремя удержали друзья – не миновать бы скандала. А она ничего этого не видела в упоении сладостными минутами, когда из принцессы ее возвели в королеву. И лишь днями спустя она с удивлением стала замечать обращенные на нее пылкие взгляды нежданного влюбленного. Поначалу ей это польстило, но взгляды становились все горячее и настойчивее, и она стала их избегать. Придворные дамы искоса и исподлобья недвусмысленно поглядывали на нее, загадочно улыбаясь при этом. Камеристки, раздевавшие королеву перед отходом ко сну, делали ей откровенные намеки, не боясь, что она отругает их за это. И однажды она решила покончить со всем этим, во-первых, чтобы не компрометировать себя, а во-вторых, не находя в душе никакого ответного чувства. Да и возраст напоминал о себе: на тринадцать лет она старше его.

В присутствии всего двора, со свойственной ей прямоотой она однажды заявила Тибо, что не желает видеть направленные на нее его долгие взгляды, выражающие, как нетрудно понять, любовное томление. Королева Франции не позволит себе флиртовать при живом муже, пусть этот господин уяснит это для себя. А если он не поймет, она пожалуется королю, и тот прикажет ему удалиться без права отныне появляться при дворе.

Фрейлины, слышавшие эту отповедь, переглянулись. Испанка! Истинная дочь Кастилии! Француженка никогда не посмела бы стыдить кого-либо прилюдно.

Кровь бросилась графу в лицо. Он видел, как все смотрели на него, и от смущения не нашелся что сказать. Он был влюблен, и та, кого он любил, ответила ему оскорблением, да еще и публично. Будь на его месте женщина, она стала бы мстить. Пусть даже королю. Но не таков был Тибо. Сказав, что ее величество, судя по всему, неверно истолковала его взгляды, выражавшие всего лишь глубокое почтение, несчастный влюбленный откланялся и ушел.

Краска стыда долго не сходила с его щек, и он полагал, что это заглушит его страсть, быть может, и вовсе убьет ее, но этого не случилось. Напротив, он совсем обезумел от любви, увидев королеву через день на приеме послов из Германии. А еще спустя несколько дней Тибо, оставшись наедине с Бланкой Кастильской в ее покоях, встав на колени признался ей в любви и, пока она не пришла в себя от неожиданной исповеди, спел одну из своих песен, посвященную ей, даме его сердца. Он был поэт, умел сочинять неплохие стихи, и Бланка, не перебивая, слушала этого Иксиона⁴, вздумавшего полюбить жену короля. В эти мгновения ей, по всей вероятности, хотелось видеть поблизости колесо. А Тибо, надо полагать, искренне жалел, что он не царь Давид, а королева не жена одного из его центурионов по имени Вирсавия⁵.

⁴ Иксион – царь племени лапифов, приглашенный на Олимп. Там он вздумал влюбиться в супругу Зевса, Геру, и за это был низвергнут в Тартар. Привязанный к вращающемуся огненному колесу, Иксион был обречен на вечные муки.

⁵ Вирсавия – жена одного из военачальников царя Давида, который, влюбившись в нее, послал ее мужа в сражение, где тот и был убит.

– Песня хороша, слов нет, – холодно произнесла Бланка, – но кто позволил вам петь ее мне?

– Любовь к даме моего сердца! – пылко воскликнул Тибо.

– Даму сердца любят на расстоянии, не оставаясь с нею наедине, – последовало возражение. – Во всяком случае, так принято у нас в Кастилии. В нашем королевстве никто не осмелился бы влюбиться в жену государя. Знаете, что за это бывает?

– Но я полюбил вас, мадам, когда вы были еще принцессой. Разве это не оправдывает меня?

– Палач не станет слушать ваших оправданий. Вначале с вас живого сдерут кожу, а потом отрубят голову.

Столь безрадостная перспектива вовсе не охладила пыла безумного влюбленного.

– Это то, чего заслуживает моя любовь? – ответил он. – Так принято у вас в Кастилии?

– За любовь к королеве там вырывают детородные органы, а потом кормят ими преступника, если тот к тому времени не отдаст Богу душу.

– Своеобразно же приветствуется любовь в далекой жаркой Кастилии, – печально промолвил Тибо. – Хорошо, что мы живем во Франции, где не практикуются такие изуверские методы борьбы с любовью.

– Государь подумает над тем, не следует ли и здесь ввести такой обычай.

– Ваши соседи – короли Наварры, Арагона, Барселоны – поступают так же со своими подданными?

– Да, если те позволят себе такую дерзость.

– Влюбиться в женщину?

– В королеву!

– Для меня вы не королева, Бланка, а всего лишь женщина, прекрасней которой нет на свете!

Испанка гордо вскинула голову.

– Я не давала вам повода фамильярничать со мной, граф Шампанский! Как смеете вы обращаться к королеве так, словно вы ее супруг? Запомните, такое право имеет лишь король!

– Позвольте же мне, мадам, сохранить за собой эту маленькую вольность, ведь ничего иного я у вас не прошу. Мое жгучее желание – остаться вашим паладином, готовым по первому зову встать на защиту той, что отняла у него покой и сон. Не отнимайте же у меня сладостных мгновений любоваться вашей красотой, быть рыцарем вашего сердца и слагать стихи, которые я буду посвящать даме моих грез!

Такого рода беседы происходили все чаще, и со временем Бланка Кастильская уже ничему не удивлялась. Кажется, она даже свыклась с таким положением дел. Во всяком случае, Тибо она больше не прогоняла и, как могло показаться со стороны, даже с некоторым удовольствием принимала у себя. Но это еще ни о чем не говорило двору. Камеристки упорно твердили, что никто, кроме мужа, никогда не появлялся в опочивальне королевы. Людовик же, по природе своей неревнивый, и вовсе закрывал глаза на «невинное увлечение» своей супруги. Именно так называли фрейлины любовь Тибо Шампанского к французской королеве.

И никто не догадывался, что Бланка вела тонкую игру. Шампань – сильное графство; граф Тибо – могущественный вассал. Пусть увивается у трона, забавляя королеву своей любовью. Кто поручится, что Тибо не станет мятежником, если оттолкнуть его, лишив своей милости и прогнав с глаз долой? Мало того, он найдет себе союзников, и все это сборище прикиннет к врагу, тому же Плантагенету! Вассальную клятву нарушить недолго, это уже никого не останавливало. Так не лучше ли иметь такого соседа в числе друзей, нежели врагов? Король, поразмыслив, одобрил действия супруги и отныне только посмеивался, когда ему пробовали намекнуть на возможность адюльтера со стороны его супруги.

Не замечая ничего этого и уверенный в том, что сумел растопить лед в сердце той, которую страстно любил, Тибо мчался в Париж. В августе он предстал перед дамой своего сердца, взволнованный, запыхавшийся. В глазах его читалось невыразимое счастье от встречи с любимой женщиной. Бланка, увидев его, взмахнула рукой, и вмиг смолкли музыкантши и певицы, развлекавшие ее. Все взоры – на графа Шампанского, который вихрем ворвался в будуар королевы и, встав на одно колено, благоговейно склонился над ее рукой. И тотчас поднялся. Бланка невольно залюбовалась им: высокий, сильный, длинные русые волосы, серые глаза, правильный овал лица и тонкие губы, с которых в очередной раз вот-вот готово было сорваться признание в любви.

Вместе с Тибо в покой ворвались пыль дорог, запахи глубокой осени и носящаяся в воздухе изморось. А от него самого пахло лошадиным потом... и мужчиной – запахом, который женщина распознает среди сотен других.

Бланка повернула голову, повела рукой. Присев в реверансах, придворные дамы и камеристки выпорхнули из будуара, оставив их одних. Не ушел один Бильжо – страж. Стоял рядом с лицом Пиррона⁶, держа руку на спинке кресла. Об этом человеке следует поговорить особо, но сначала – Тибо. Глазами, излучавшими страсть, он впился в королеву – предмет его любви, даму его сердца. По плечам у нее рассыпаны черные волосы, на губах играет легкая улыбка, взгляд направлен на гостя.

– Граф, отчего вы здесь? – удивилась Бланка. – Почему не с войском короля? Прежде я должна видеть его, а не вас.

– Он уже скоро прибудет, моя королева, – искренне заверил ее возлюбленный. – Я нарочно прибыл раньше, чтобы лицезреть без помехи даму моего сердца и вновь выразить мои чувства к ней. – Бланка поморщилась. – Но поскольку, я вижу, королева Франции уже привыкла к моим словам, то я позволю себе выразить свою любовь к ней в новой песне, которая прилетела в Париж из далекого Лангедока.

И Тибо, взяв лютню, приготовился петь.

– Оставьте, не до песен сейчас, – погасила его улыбку Бланка. – Расскажите лучше о походе. Сколько городов покорил мой супруг? Сколько выиграл сражений? Где он теперь и почему так скоро собирается вернуться?

Тибо отставил лютню в сторону.

– Людовик осадил Авиньон. Осада длится вот уже несколько месяцев, но, по всему видно, город скоро сдастся. Должно быть, уже так и случилось.

– Должно быть? – вперила в него Бланка немигающий взгляд. – Вы, значит, не знаете этого? Вы покинули Лангедок? Бросили короля, оставив его одного сражаться с врагом?

– О, разве король один? У него достаточно сильное войско. Надо полагать, после взятия Авиньона он пойдет на Монпелье.

– А вы?.. – Бланка всеми силами старалась унять закипавшую в ней злость. – Почему вы здесь? Разве долг вассала не в том, чтобы быть там, где сюзерен ведет военные действия?

У Тибо давно был готов ответ.

– Вам ведь известно, мадам, что вассал всего сорок дней в году обязан служить своему сеньору. Так вот, срок вышел. Я имел полное право уехать, поскольку исполнил свой долг. В чем вы можете меня упрекнуть?

– В том, что вы бросили своего короля!

– Никто не обязан служить сверх положенного срока, – возразил Тибо. – Таков закон.

Бланка резко поднялась с места: глаза широко раскрыты, видно, как пульсируют жилы на висках.

⁶ Пиррон (ок. 365–270 до н. э.) – греческий философ. Усматривал высшее счастье в ничем не смущаемом равнодушии.

– Вы предали короля, граф Шампанский! Вы бежали из-под Авиньона, хотя могли остаться, ведь речь шла об окончательном покорении Лангедока. Однако мало того, что вы покинули поле боя, вы еще потащили с собой Лузиньяна! Он не бросил бы короля в трудную минуту, но вы, зная, что из этого теста легко лепить вафельные трубочки, подговорили его!

– Я действовал в соответствии с правом, меня не в чем упрекнуть. Любой закон оправдает нас с Лузиньяном.

– Только не мой! – отрезала Бланка. Потом произнесла, сузив глаза и сжав ладони в кулаки: – С вами был еще герцог Бретонский Пьер Моклерк...

– Вам и это известно? – исподлобья поглядел на нее Тибо, стараясь избежать встречного взгляда.

– Недурная троица, – зловеще промолвила королева и вновь села. Надо успокоиться. Нельзя ссориться с Шампанью. Пантагенет только того и ждет, чтобы заполучить себе новых союзников: этого «вафельного» и Тибо. Моклерк, почуяв запах денег, бросится за ними следом... погоди, Бланка, не спеши. Не руби сгоряча, хоть и кровь ударила в голову. Как бы не наломать дров. Прежде всего, взять себя в руки. Вот так! Теперь расправить брови. Наконец выдавить из себя легкую улыбку. Ну, ты же сможешь! Вспомни, как говорил отец: «Не тот правитель, кто сидит на троне, а тот, кто в седле. Не тот, кто предается разгулу и веселью, а тот, кто держит в своих руках соседа, войско, конницу и флот». И еще: «Женщины послужили причиной множества бедствий для правителей государств».

Людовик постоянно в походах – то на альбигойцев, то на англичан. Некому ему помочь, кроме нескольких верных соратников, среди которых умный Герен, правда, уже старый. Но есть еще жена, и она родом из Кастилии. Быть верной помощницей мужу – ее долг, что бы он там ни замышлял. Но она твердо знает – ничего такого, что было бы противно его чести и растущему государству, которое оставил им обоим король Филипп.

– Что ж, – уже мягче проговорила Бланка, – будем ждать дальнейших событий. Гонец привезет известия. Они приходят ко мне каждые десять дней.

Новость пришла в конце августа: Монпелье открыл ворота, признав власть французского короля. Войско направилось к Безье – городу, в котором семнадцать лет назад Симон де Монфор устроил почти поголовную резню мирных жителей. Наученные горьким опытом, безьерцы и не думали сопротивляться. Далее – Каркассон. Жители этого города оказались не глупее собратьев. Вывод напрашивался простой: южане поняли наконец, что король – суверен Франции. Его верховная власть распространяется и на графство Тулузское. Большая разница в сравнении с обычным феодальным войском.

В октябре король решил осаждать Тулузу, но внезапная болезнь перечеркнула его планы.

Глава 3. Скорбная весть

Любовные визиты Тибо Шампанского продолжались. Каждый из них сопровождался либо чтением стихов, либо пением. Бланке он до смерти надоел своими песнями, сонетами и мадригалами. Она мать семейства, ей тридцать восемь лет, родила уже тринадцать детей, из которых многие умерли, – кто в младенчестве, кто и дня не прожив. А ему – двадцать пять! Он женат, но какое ему дело до жены. Он поэт и должен воспевать Прекрасную Даму своего сердца! И вновь сыпались на Бланку оды и мадригалы. Она вынуждена была все это терпеть. Но всякому терпению приходит конец. Однажды она высказала свое мнение по поводу страстных песенок графа Тибо кардиналу Сент-Анжу. Нет, она не против, это даже льстит ей, но нельзя же, в конце концов, быть столь назойливым. Об этом уже стали говорить не только во дворце, это стало темой пересудов всех парижских кумушек.

Кардинал, между нами говоря, и сам «неровно дышал» к красавице-испанке.

– Я поговорю с графом, – тотчас пообещал он.

И отправился страшить Тибо карами небесными за любовь к замужней женщине, тем более королеве...

Бланка обернулась:

– Как думаешь, Бильжо, поговорит?

– Нет – я сделаю это за него, – бесстрастно ответил верный страж, холодно глядя перед собой.

Этот человек был тенью Бланки Кастильской, ее слугой, ее рабом. Для него существовала только его хозяйка, которую он обязан защищать от врагов. Кто в их числе – не имело значения. Один жест принцессы, а потом королевы, один только ее взгляд – и Бильжо, не раздумывая, зарубил бы на месте кого угодно, будь то бедный рыцарь, знатный вельможа или даже сам Папа. Неважно, какой титул. Он мог арестовать любого, на кого она укажет, посадить его в тюрьму и даже пытаться. Бланка позволяла ему все. Это был Минотавр при Миносе, Ладон⁷ при саде Гесперид, Цербер у врат ада. Он выполнял свою работу, не требуя за нее плату, ни на что не жалуясь и ничего не прося. Он служил только ей, своей королеве, другого хозяина у него не было и не могло быть.

Он был сыном Беатрисы, дочери Бильжо, бывшего наемника⁸. Мать назвала его так же, как звали ее отца. В свои двадцать три года Бильжо оставался холостым, хотя любая придворная дама сочла бы за счастье выйти замуж за отпрыска знатного рода Монморанси. Рост выше среднего, широк в плечах, каштановые волосы, карие глаза, ровный нос, волевой квадратный подбородок – стоит ли желать мужа лучше этого? Но сын Беатрисы не принадлежал к категории одержимых страстями; его не интересовала (во всяком случае, на данном этапе) ни одна женщина, кроме той, жизнь которой он охранял.

Его дед верой и правдой служил Филиппу Августу с самых первых дней его правления и участвовал во всех битвах своего короля. Весь в резаных и колотых ранах от мечей, сабель и стрел, он тем не менее не погиб в бою, а, обессиленный и уже с трудом выговаривавший слова, умер в своем замке в 1223 году, задолго до смерти отдав своего внука обожаемой им принцессе Бланке Кастильской. Последние слова умирающего отца передала хронисту его дочь: «Мне незачем больше жить на свете, если со мной нет моего короля». Филипп Август, как известно, умер в том же году.

⁷ Ладон – дракон, охранял сад с золотыми яблоками, которые пуще глаза берегли четыре нимфы Геспериды – дочери Ночи, жившие на дальнем Западе, у берегов Океана.

⁸ См. роман «Мудрый король».

Много уже лет тому, как Бланка наняла для обучения Бильжо-младшего лучших бойцов, и теперь он в совершенстве владел мечом и боевым топором. К нему привели однажды ассасина⁹ по имени Аутар, и тот обучил юношу виртуозно владеть ножом. У Бильжо их было два, оба висели на поясе у него за спиной. В случае надобности он мгновенно выхватывал нож и бросал его с такой силой и меткостью, что с десяти шагов попадал в монету, разрубая ее пополам.

Бильжо знал все тайны королевы и двора, но был нем, как саркофаг, и бесстрастен, как сфинкс. Он всегда стоял с правой стороны от кресла, в котором сидела Бланка; обе руки его покоились на рукоятках меча и топора. Он никогда не задавал вопросов, он просто смотрел на того, кто говорил с королевой. Ему не было дела до разговора, его не интересовал тот, кто вошел, будь то женщина, епископ или принц соседней державы. Бездушный и безгласный, он стоял на своем месте, точно прибитый к полу гвоздями. Казалось, его и не спихнуть. Но один выразительный взгляд Бланки – и он бросался ястребом, готовый либо убить, либо взять под арест. То и другое уже имело место, а ему подчинялась вся дворцовая стража.

Денно и ночью Бильжо охранял покой своей хозяйки, ему даже еду приносили в покои королевы, и случалось, они вместе ели. Ночью он спал на полу подле ее кровати, как пес, и Бланка почти что никогда, раздеваясь ко сну, не прогоняла его, часто слушая рассказы из жизни его деда. Она к нему привыкла. Он был для нее не мужчиной, а всего лишь стражем, чем-то необходимым, без чего никак нельзя обойтись и что непременно должно находиться именно в это время и в этом месте. Оставаясь вдвоем, они вели задушевные беседы, но только как друзья. Никакого намека на различие полов. Бильжо не видел в своей хозяйке женщину в прямом понимании этого слова, перед ним была всего лишь королева, которую он обязан был охранять.

Нет надобности говорить, что он, как привязанный, следовал за Бланкой повсюду. Она уже не представляла себе: как это так – его не будет рядом! Выезжает она на соколиную охоту – он неизменно близ нее; едет куда-либо – он всегда справа; принимает ванну – он сидит у ее ног, зорко посматривая вокруг и совсем не глядя в ее сторону, когда ее вытирают и одевают. В ответ на недоуменные взгляды служанок Бланка лишь смеялась.

Об этом все знали. Бильжо боялись. Женщины тоже. Они не только не решались заговорить с ним, но опасались даже взглянуть на него. Он расшвыривал их в стороны, если они мешали Бланке пройти, и молча хлестал по щекам, когда ему казалось, что кто-то посмел отпустить оскорбительное слово в адрес королевы. Так же он мог поступить с любым рыцарем или духовным лицом. Его не один раз вызывали на бой; несколько мертвых тел унесли уже с места поединков.

Таков был тот человек, к которому Бланка обратилась с вопросом. Она еще не знала, что очень скоро у нее останется только он один.

– Не трогай его, пусть поет свои песни, – произнесла она в адрес Тибо.

– Шампань? – коротко спросил верный страж.

Бланка кивнула:

– Сын обязан продолжать дело своего отца. Проклятые Плантагенеты! Но настанет день, когда их выметут вон из французского королевства. Свекру Филиппу было легче. Людовику кроме англичан приходится подавлять очаги ереси на юге. Но так надо. Лангедок должен отойти под власть короля. Повсюду будет единая вера, как того хочет Рим, как желает этого Франция!.. Однако что-то долго нет вестей с юга. Людовик отсылал ко мне гонца каждые десять дней, но прошло уже пятнадцать. Больше! Не случилось ли чего с королем?..

⁹ Ассасин – в переводе с персидского (hassasin) означает: «острый кинжал». Вообще – убийца из секты исмаилитов, исполняющий приговор Старца Горы. Учение ассасинов во многом противоречило исламу, поэтому, полагаю, их можно причислить к еретикам в мусульманском мире. В 1173 году они вознамерились перейти в христианскую веру, чтобы не платить дань тамплиерам. Рыцари Храма воспрепятствовали этому.

Бланка порывисто встала, зашагала по комнате.

– Почему нет гонца?

И снова шаги, быстрые, нервные; взгляд мечется по сторонам, ища за что зацепиться.

Вдруг она остановилась.

– Что-то произошло, Бильжо! Чувствую, случилась беда. – Она подняла руки к груди. – Святой Боже, уж не с королем ли?..

Она подбежала к окну, распахнула его, вперила взгляд в туманную даль, в сторону Сен-Жерменского аббатства, туда, куда уже почти год как ушло королевское войско.

– Людовик, возвращайся! Молю тебя! – шептала она. – Оставь в покое Тулузское графство, Раймонд сам падет в ноги своему сюзерену. Только возвращайся, слышишь? Довольно уже воевать! Возвращайся же, супруг мой! Скорее, пока у тебя еще есть войско, пока ты жив, пока...

И в это время быстрые шаги послышались за дверью. Кто-то шел по коридору, торопился, почти бежал. И остановился, наткнувшись на стражника.

Стоя у окна, Бланка замерла. Тревожный взгляд – на дверь. Сердце готово выскочить из груди. Известие! Какое? Посланцы никогда так не торопились...

Бильжо сделал шаг, другой, встал рядом с королевой. Ладонь крепко сжимает рукоять меча.

– Впустите гонца! – крикнула Бланка.

Двери распахнулись. Гонец стремительно вошел, увидел королеву, упал на колени близ нее. Сам бледный, весь в пыли, с трудом переводит дыхание.

– Что? – молвила Бланка, в ужасе глядя на него. – Что?! – вдруг вскричала она, уже догадываясь, уже чуя беду.

– Ваше величество! Король Людовик, ваш супруг... Он при смерти... Он в Монпелье, в Оверни... Торопитесь! Король выразил желание проститься с вами. Скорее, государыня, умоляю!

Бланка не успела даже испугаться. Стояла, точно статуя в камне – застывшая, безгласная. Вопросы? Сейчас не до них. Всё потом, в пути. Немедленно же – туда, на юг, в Овернь, где умирал ее Людовик!

Она вылетела в коридор, едва не сбив с ног стражника.

– Экипаж! Скорее! Охрана, ко мне! Все во двор!

И побежала по галерее, потом вниз по ступеням – бледная, обезумевшая, ломая на ходу пальцы рук. За ней – Бильжо, следом Аршамбо.

И пяти минут не прошло, как королева Бланка Кастильская, вскочив на лошадь, мчалась по улицам Парижа к Малому мосту. Вслед за ней летел эскорт всадников...

Она не успела. Людовик был уже мертв. Траурная процессия повстречалась им в Буржской епархии, на левом берегу Луары. Здесь, близ Невера суждено было Бланке увидеть своего мужа, который хотел проститься с ней перед отходом в вечность.

Она бежала к нему вся в слезах, не разбирая дороги, не слыша голосов. Она видела перед собой только гроб прямо посреди наезженной колеи. Высокий, обитый крепом, он печально и угрюмо поджидал ее. Вокруг него люди, много людей с опущенными головами, сомкнутыми устами; холодный ветер трепал их волосы и рвал с плеч плащи.

Сто шагов оставалось до гроба и, кажется, можно дойти и не торопясь, но Бланка все бежала вперед, рыдая, размазывая по лицу слезы, уже зная, что свершилось, иначе не стояли бы в скорбном молчании люди.

Упала, бедняжка, когда оставалось всего-то с десятков шагов. Бильжо поднял ее. И тут она, опираясь на его руку, медленно пошла, не отрывая взгляда от воскового лица, на котором никогда уже не откроются глаза и не раздвинутся в улыбке губы. Пять шагов осталось, три, два,

один... И вот он, король, ее муж, с навеки сомкнутым ртом, со сложенными на груди руками. Совсем нестарый и такой красивый... Ее Людовик, которого она так любила, так ждала!..

Дико вскричав, Бланка бросилась к гробу и упала в него. Ее дрожащие руки обнимали уже холодное, застывшее тело короля.

Глава 4. Коронация

15 ноября Людовик VIII был похоронен в аббатстве Сен-Дени, фамильной усыпальнице франкских королей. И тотчас после похорон, едва выйдя из стен монастыря, рыцари, бароны, знать – все остановились, заволновались, стали переглядываться. Послышался глухой ропот. В воздухе носились, перелетая от одной группы к другой, всего два слова: «кто?» и «Филипп». Речь шла о сводном брате почившего короля – графе Филиппе Строптивом. По всему выходило, что именно он должен быть опекуном малолетнего Людовика. Именно опекуном, а не регентом. Такого слова в то время еще не знали. И еще одно слово витало в воздухе там, где говор переходил в ропот. «Иностранка». Это о королеве-матери. Если до сего дня бароны относились довольно терпимо к супруге покойного короля, то теперь, когда встал вопрос об опеке, они словно вылезли из своей шкуры и залезли в другую, которая всегда всем недовольна.

Они бросали косые, недобрые взгляды на створки ворот, сквозь которые должна пройти вдовствующая королева. Удобный момент для нападения. Прямо здесь и прямо сейчас. Кончить разом! Ее охрана? Пустяки – три старика. Бильжо? Этого достанет арбалет. А потом немедленно за принцем Филиппом! Ему править королевством, пока щенок не подрос. А уж он не забудет, кто стоял за него.

Такие идеи носились в воздухе в толпе знати, стоявшей близ стен аббатства. Но многие были против – слышались возражения, сопровождаемые энергичными жестами. Что скажет Рим? Придется ли по душе Папе бунт баронов? Не последуют ли вслед за этим отлучения? Но есть и еще один аспект. Нельзя убивать мать, когда с ней ее дети. Пока в центре внимания двое: Людовик и Робер. Одному двенадцать, другому десять. Вряд ли, став взрослыми, они забудут имена убийц.

Волнения не утихали. Их было здесь немало, знатных людей королевства, иные в порыве горячности уже хватались за мечи.

Зная или догадываясь об этом, Бланка не торопилась покинуть стены аббатства. Рядом с ней, правда, друзья, но их так мало. Сейчас главное – поддержка Церкви. Бланка огляделась. Не видно ни архиепископа, ни подчиненных ему прелатов. Где же они? Как выйти без них? Впрочем, Готье шепнул ей, чтобы ждала его.

Верный слуга трона, королевский прелат на время умершего недавно архиепископа Реймского, Готье Корню тем временем не бездействовал. Едва закончилась церемония захоронения, он, бросив красноречивый взгляд на двух человек, стал спускаться по лестнице, что вела в подземелье. Тайный ход. Для чего или для кого – знали немногие.

Но вот ступени кончились. Площадка впереди. Два факела горят по обеим сторонам. Справа, обитые позолотой, раскрытые дверцы, ведущие к аналою. Дальше, где кончается площадка, ход ведет далеко в глубь коридора, и при неверном свете редких свечей по обе стороны этого коридора видны закрытые окошки и между ними ниши в стене. Окошки – кельи, куда замуровывали заживо монахов, пославших вызов грешному миру; в нишах – черепа и кости, чьи – догадаться нетрудно.

Могильная тишина царила вокруг. Архиепископ оглянулся. Его подчиненные рядом, стоят и смотрят на него, поеживаясь, – подземелье не отапливалось. Жестом он повел их за собой. Все трое вошли в молельню, миновав дверцы, и стали против отлитого в бронзе Христа. Две свечи справа и слева от распятия, в их колеблющемся свете дрожат блики на лице Спасителя, и оттого кажется, будто оно оживает и ведет беседу с тем, кто перед ним стоит.

Глядя на лик Христа, Готье Корню широко перекрестился; за ним – два епископа. После этого он повернулся к ним:

– Здесь нас никто не услышит. Только мертвецы. Сюда и приходят затем, чтобы умереть. Епископы снова поежились, но теперь уже по другой причине.

– Тайна престолонаследия не должна открыться никому, – негромко заговорил архиепископ, боясь, чтобы его не услышало даже эхо. – Документ, который мы трое подписали, не является завещанием короля. Умиравший Людовик не назначил опекуна при малолетнем короле. Согласно закону франков им должен быть сын покойного Филиппа Августа, бастард, впоследствии узаконенный Святым престолом. Тот, что правит Булонью. Понимаете теперь, какой важности документ был нами троими подписан?

– Сообразно ему опекуной становится мать, – глухо произнес один из прелатов. – Но это невиданный случай, такого не было еще в истории Капетингов.

– Однако и короли не умирали, процарствовав всего три года, – ответил Готье Корню.

– Кажется, Филипп Первый был совсем мал, когда умер его отец Генрих, – возразил второй прелат. – Тем не менее Анна Ярославна, его мать, не стала опекуной.

– Перед смертью Генрих поручил заботу о сыне графу Фландрскому, своему свояку. Но отец еще при жизни короновал мальчика, а опекун был верным слугой престола. Нынче ситуация совсем иная. Людовик не коронован, а сын Агнессы Меранской, Филипп Строптивый, окажется врагом трона. Наша задача – не дать совершиться перевороту. Видел я, как знать шепталась, когда гроб не был еще закрыт крышкой. Кто может поручиться, что она не поджидает сейчас вдовствующую королеву-мать, дабы лишить ее жизни, а опекуном малолетнего Людовика избрать его дядю?

– Видели мы, сколько их, – отозвался епископ Бове. – Кто сумеет им помешать?

– Церковь! – высоко поднял голову архиепископ. – При нас они не посмеют осуществить свой коварный замысел, а он у них вполне уже мог созреть.

– Следовательно, нам предстоит выступить в роли защитников королевы? – уточнил епископ Шартра.

– Не только. Мы с вами – те, кто сохранит царствующую династию в лице внука Филиппа Августа. Мы – те самые три свидетеля, которые слышали волю умирающего короля. Значит, эта воля переходит в завещание. Задача наша – отныне держаться всем вместе. Вы оба клятвенно подтвердите то, о чем я буду говорить на совете. В противном случае ни одному из нас не сохранить ту власть, которой мы обладаем. И еще одну цель имеем.

– Какую же? – спросил епископ Бове. – Догадываюсь – способствовать созданию правительства из баронов. Они назначат испанку опекуной, чтобы самим править от ее имени.

– Как раз этого и нельзя допустить из опасения, что Франция вновь станет такой, какой была в начале правления Генриха Плантагенета. Помешать баронам, разбив их замыслы, коли они таковы – вот что надлежит нам сделать. И поможет в этом документ, составленный мною в Монпансье. Итак, вы поняли? Ваши клятвы в подтверждение моих слов – вот что удержит у власти царствующую династию. Готовы ли вы?

– Все будет так, как угодно Богу и Святой церкви нашей, – с поклоном произнесли оба прелата.

– Хорошо. А сейчас поторопимся, королева-мать ожидает нас, я предупредил ее, чтобы не выходила без отцов Церкви.

Бланка вышла из аббатства в сопровождении духовенства, и никто не посмел напасть на нее: велика была духовная власть архиепископа, да и не пришли пока бароны к определенному решению. Кое-кто из них смотрел дальше тех, что хватались за мечи. Опекуна – испанка? Пусть так. Важно войти в правительственный совет и диктовать этой даме из Кастилии свою волю. Куда ей деться, если их много? Но вначале следует добиться единства, которого пока что нет.

А архиепископ торопился. В экипаже они ехали вдвоем с Бланкой.

– Ваше величество, с коронацией не следует тянуть. Бароны не посмеют посягнуть на жизнь короля и на вашу.

– Посягнуть? – повернулась к нему Бланка. – Вы что же, думаете, они способны на такой шаг? Право же, ваше преосвященство, не стоит переоценивать возможностей знатных людей королевства.

Готье Корню строго посмотрел на нее.

– Или вы не видели их лиц, когда мы проходили мимо? Половина этих господ готова была разорвать вас в клочья.

Бланка отвернулась.

– Я догадывалась. Слава Богу – только половина.

– Между ними нет единства, я заметил. На этом мы и сыграем. Не мешкая коронуем вашего сына и на совете объявим волю покойного Людовика. Я сумею заткнуть им рты. Вам править королевством, они должны уяснить себе это.

– Среди них есть люди, преданные короне. Я должна знать их имена. Посмотрим, кто прибудет в Реймс.

– Ваш муж одобрил бы наши действия. Немедленно короновать Людовика – таково его предсмертное желание.

Парижане были далеки от всего того, что было связано с коронацией, зато они имели свое мнение относительно скоростижной смерти короля. Провожая взглядами юного принца, вместе с королевой-матерью отправлявшегося в Реймс, они спешили высказать друг другу то, что каждый из них думал.

– Не иначе как тут вмешался граф Шампанский, – говорили одни.

– Влюбился, черт, в нашу королеву, проходу ей не дает, – соглашались другие. – Гляди, примчался от самой Тулузы, чтобы петь ей песни и объясняться в любви.

– Уж не отравил ли он нашего короля? – высказывали предположение третьи. – Чтобы не мешал, дескать, ему самому.

– А сам править хочет вместо него, мерзавец, вот и норовит залезть под платье к нашей королеве, – судачили кумушки.

– Если уже не залез.

Таков Париж. Миропомазанник Божий – это для него всегда святое; тот, кто мешал монарху, становился Парижу врагом. Дальше увидим, что думали по поводу смерти короля жители других городов.

От дня погребения Людовика VIII (15 ноября) до дня коронации его сына Людовика IX должно было пройти не меньше двух недель. Столько нужно для того, чтобы успели съехаться в Реймс все знатные люди королевства. О смерти короля их оповестили еще раньше. Те, что уже прибыли на похороны, частью жили во дворце в Сите, частью квартировали в домах у парижан.

В Реймс королевский кортеж направился через Санлис, Крепи, потом Суассон. Здесь сделали остановку. Юный Людовик был посвящен в рыцари. Без этого святые отцы не могли приступить к обряду приобщения принца к божественной благодати.

Когда все было готово, архиепископ шепнул Бланке:

– Больше половины знати здесь нет. Смешным покажется такое миропомазание. И все же мы должны совершить обряд.

– Теперь я знаю, кто в числе наших врагов, – ответила ему Бланка. – Те, кто не приехал. Я запомню.

– Лучше записать. – Готье Корню поманил писца. – Говорите, государыня. Следует отделить зерна от плевел.

Клирик приготовился писать. Королева-мать диктовала:

– Герцог Бургундский, граф де Бар, Аршамбо де Бурбон, граф де Монфор, архиепископы Санса и Буржа, епископы...

Она стала называть одного за другим. Потом добавила еще кого-то из мелкой знати. Пояснила:

– Это те, кто прибыл.

Клирик поставил в колонке крест.

– Теперь другие, кого нет: герцог Бретонский Пьер Моклерк, Гуго де Лузиньян, Тибо Шампанский...

Клирик записал еще несколько имен и поставил знак минус.

– Эти – враги трона, – вынесла вердикт Бланка.

– Я бы не делал столь поспешных выводов, – произнес архиепископ.

– Вы защищаете тех, кто отсутствует?

– Пытаюсь в некоторой степени оправдать их. Времени собраться в путь и приехать хватило бы, скажем, графу Омальскому или Жуанвилю. Другим сложнее – виконту де Туару, к примеру, или сеньору де Боже. Идут дожди; дороги, мало того что ухабистые, – их еще здорово развезло. Гонец мог добраться туда не раньше чем через неделю. Но надо еще собраться в дорогу. Взвесив все это, иные отказались от поездки, другие, возможно, уже в пути.

– Чтобы приехать в пустой Реймс? Не думаете же вы, что мы будем сидеть здесь и ждать того, кто никогда не приедет? Нет, ваше преосвященство, дороги пусты. Вероятнее всего, придут письма с причинами отказов, которые только на руку тем, кто и не собирался присутствовать на коронации. Ведь известие о смерти получили все, так что времени у вассалов короны было гораздо больше.

Архиепископ промолчал, сознавая правоту королевы-матери. Напомнил только:

– Нам надо торопиться. У Франции должен быть король.

– Кто будет освящать церемонию? Вы?

– Нет. Епископ Суассона. Это его прямая обязанность в отсутствие реймского архиепископа.

– Скажите ему, пусть не затягивает. К черту всякие проволочки.

– Не будет нужного блеска...

– Его не было бы и без того: нет никого из наиболее знатных людей и из белого духовенства.

Обряд начался. Готье Корню подал знак. Первый викарный епископ архиепископа Реймского начал литургию – бесконечные псалмы и молитвы, молитвы и псалмы. Это надолго. Архиепископ ткнул коллегу локтем в бок: кончай волынку, державе нужен король! Тот кивнул – дошло. Теперь клятвы, которые должен принести будущий монарх. Их не очень много: защищать Церковь и ее ценности, обеспечивать общественное спокойствие и вершить правосудие, бороться с еретиками. Что-то еще... Ах, да: свершать акты милосердия.

Людовик, светлокудрый мальчик с любопытствующими глазами на продолговатом лице, с мольбой посмотрел на мать:

– Мама, зачем мне все это повторять? Пусть вот этот лысый дядя еще раз пробубнит, а я потом кивну ему или скажу «да», если уж так надо.

Мать склонилась к сыну:

– Повторяй, сынок, эти клятвы одну за другой. Таков обычай. Ты должен будешь так поступать.

Людовик вздохнул и стал клясться.

Потом ему вручили золотые шпоры, меч, доспехи. Дальше – молитвы, литании, антифоны.

Архиепископ поморщился. Снова пошел в действие локоть. Коллега, выразительным движением руки свернув песнопения, склонился над Людовиком, со страху чуть не убежавшим от него, и приступил к миропомазанию. Священным миром крестообразно епископ помазал мальчику лоб, глаза, губы, уши, грудь – словом, все, что полагалось. И без конца тянул после каждого такого креста: «печать Святого Духа». Отныне король становился избранником Бога на земле.

Блестящая лысина то и дело маячила у Людовика перед глазами, и новоиспеченному монарху хотелось треснуть по этой лысине золотой шпорой... или лучше рукоятью меча. Это он на радостях – подумал, что это всё, можно уходить. Но ошибся. Теперь ему должны передать королевские регалии. Сначала на него надели тунику с далматикой, потом тяжелую бордовую мантию с геральдическими лилиями, явно ему не по росту. Затем дали в руки скипетр и жезл правосудия, на палец надели кольцо.

– Мама, зачем это? – поднял на мать удивленные глаза помазанник Божий. – Мне ведь тяжело. Почему я должен терпеть?

В это время на голову ему надели золотую корону.

– А это еще зачем? – Зрачки глаз юного короля недовольно поползли кверху. – Такую корону носил отец.

– Теперь будешь носить ты, – улыбнулась мать.

– Больше некому? – не понимал мальчик. – Она же большая, будет сваливаться у меня с головы.

Присутствующие переглянулись.

– Бог даст, не свалится, – многозначительно посмотрел епископ на королеву.

Мальчик заерзал, печально поглядел на мать.

– Потерпи еще немного, – сказала она ему, – сейчас твои покорные вассалы принесут тебе оммаж¹⁰. Они будут произносить при этом: «Да здравствует наш король!»

– Слава Богу, их тут мало, – повеселел юный монарх.

Архиепископ и королева-мать, оба сдвинув брови, переглянулись.

– Не «слава Богу», а «увы», сын мой, – тяжело вздохнув, произнесла Бланка.

Далее, без пиршества, обычного в таких случаях, королевский кортеж отправился в Париж. Сын Бланки Кастильской отныне становился священной особой, наделялся даром чудотворения. С этого дня он неприкосновенен, ибо помазанник Божий и через него осуществляется связь между Богом и народом, между Богом и королевством.

По пути домой, сидя в трясущемся по неровной дороге экипаже, похожем на обыкновенную повозку, королева-мать предалась невеселым думам. Элита – как церковная, так и светская, – вот что ее беспокоило. Ни один не приехал. Всем наплевать. Выходит, не хотят принять Людовика. Рассчитывают либо взять короля в плен и править от его имени, либо устроить мятеж, выдвинув вместо нее опекуна из их среды. Так или иначе, она должна дать им понять, что править королевством от имени сына будет она. Для этого надо немедленно собрать совет. Всем, кто будет присутствовать, она выскажет свою волю. Пусть доносят ее до остальных, а так и случится. Это охладит умы. Может быть, ненадолго. Но за это время она успеет сплотить вокруг короны преданных людей. Еще у нее есть наемники – войско головорезов, набранное еще покойным свекром. Многих, правда, уже нет в живых, но на смену им пришли новые.

Скорее бы в Париж, во дворец. Две сотни всадников охраняют короля, но против войска любого герцога им не устоять. Хорошо еще, что церемония не затянулась. Теперь дорог каждый час. Мятежники могут не успеть. А там – стена Филиппа, ее свекра, защитит юного короля... Умница все же архиепископ, быть ему у нее в великих почестях. Отпишет Папе, как верно служит престолу санский прелат.

Но что-то не видно людей, никто не приветствует короля. Да и в Реймсе тоже... Уж не сговор ли тут с мятежными баронами?.. Герцог Бретонский Пьер Моклерк, представитель династии графов Дрё, потомок Людовика VI... Могущественный вассал. И, как ни прискорбно, наименее остальных преданный короне. Этот, пожалуй, сможет возглавить мятеж. За ним пойдут. Следующий – Гуго де Лузиньян, граф де Ла Марш. Продажная шкура. Сегодня с одним,

¹⁰ Оммаж – акт, посредством которого вассал, вкладывая свои руки в руки сеньора, клянется ему в верности.

завтра с другим. Утром против этого, вечером против того. Такими были многие в те времена – каждый искал свою выгоду. Но вот история этого графа, весьма любопытная.

Четверть века тому назад он собрался жениться на Изабелле Ангулемской. На свадьбу должен был приехать король Иоанн, сюзерен зятя с тестем. И приехал, лучше бы его не видеть вовсе. Всегда отличался жестокостью, тупостью и самодурством, а тут и вовсе превзошел самого себя: взял да и увел невесту прямо из собора. Впрочем, не невесту, а уже жену – по его требованию епископ немедленно обвенчал парочку. А Изабелла – что ж, променяла графа на короля! Плохо ли ей? Про Лузиньяна забыла, словно того и не существовало. Однако очень скоро она стала испытывать отвращение к супругу и, несмотря на то что родила уже двух детей, отправилась в путешествие к себе на родину в Ангулем. Ах, какие тут были мужчины, не чета толстому и глупому супругу. Недолго думая, Изабелла принялась налево и направо изменять своему мужу...

Но не о ней рассказ, а о Лузиньяне. Через двадцать лет Изабелла вернулась к нему, и он, похоже, тотчас забыл о том, что произошло тогда в Бордо. Очень скоро она, королева, вышла замуж за того, кого она когда-то любила и, по ее словам, не переставала любить до сих пор. И все же Гуго не забыл, какую шутку сыграл с ним последний сын Генриха II. Он стал врагом Иоанна и во всем помогал королю Филиппу.

И вот теперь, после того как английский король сломал ему жизнь, он предает юного французского монарха и готов перейти в лагерь его врагов. Те, надо думать, при случае не преминут воспользоваться помощью англичан. Бесстыдный, беспринципный, бесчестный Лузиньян...

Ну а Тибо? Изменник, лжец! И он еще смел клясться ей в любви и петь песни! А ведь она ждала его, не думала, что он предаст...

Но не знала Бланка, что Тибо спешил на коронацию и уже въезжал в ворота Реймса, как вдруг толпа горожан преградила ему дорогу.

– Ни шагу дальше, граф Шампанский! – крикнул один из них, державший в руке увесистый камень. – Мы не пустим тебя во дворец.

– Изменник! Подлец! – послышалось отовсюду. – Это ты отравил нашего короля! А еще смеешь являться на коронацию его сына! Вон из города! Предатель! Убийца!

Тибо опешил, натянув поводья лошади. Что за вздор несут эти люди? Почему мешают ему проехать? Да и откуда они его знают?

А они, невзирая на охрану, уже пошли на него с кольями, дубинками, и он понял, что ему не пробиться. Жители Реймса собирались мстить ему за своего короля.

– Я не убивал короля Людовика! – крикнул он громко, так, чтобы все слышали. Правду крикнул. – Клянусь вам, я не виновен в его смерти!

– Врешь! Ты покинул его, и после этого он умер.

– Ты отравил его! Смерть тебе за это! Убийца!

Народ верил в то, что говорил. Он всегда верил в то, во что хотел верить. Разубеждать его не имело смысла, попросту было бесполезно.

Тибо видел, что ход ему закрыт. Его не пустят. Зарычав в бессильной злобе, он повернул коня, сделал оборот, другой и поскакал назад к воротам. Обида и злость душили его. Выехав из города, сжав кулаки от негодования, он обернулся лицом к собору. В слепом гневном порыве он тут же решил мстить королеве – она подговорила народ, люди кричали об этом. Недаром она перестала его привечать. А тут еще кардинал Сент-Анж набросился на него...

И Тибо Шампанский принял решение.

– Она горько пожалеет об этом! – вскрикнул он у самых городских ворот и дал шпоры коню.

И не знал Тибо, что его восклицание услышали три человека, стоявшие с внешней стороны ворот, у рва. Не то вернулся и зарубил бы их.

– Очень хорошо! – произнес один, потирая руки и провожая насмешливым взглядом удаляющуюся фигуру всадника. – Народ поверил в нашу басню.

– Как раз то, что нам и нужно было, – отозвался другой.

– Герцог Пьер и де Ла Марш будут нам благодарны за такого союзника, – прибавил третий. – Глупый Тибо...

И все трое рассмеялись.

...А повозка все катила себе по грязной ухабистой дороге, качаясь и скрипя всеми своими суставами, и казалось, дорога эта не кончится никогда. Бланка устала думать. Она почувствовала, что сын смотрит на нее. Повернула голову. Он и в самом деле смотрел.

– Мама! Ты у меня как Богородица... охраняешь меня.

Она тихо улыбнулась, обняла его, прижала к себе.

– Кому же быть с тобой рядом как в минуту радости, так и опасности, если не твоей матери, сынок?

Он крепко обнял ее, зарывшись лицом в мантию на меху.

– Ты у меня самая лучшая. Я люблю тебя!

Она заплакала. А сын не видел и не чувствовал, как ее слезы каплют ему на затылок.

Глава 5. Завещание покойного короля

На следующий день после коронации в Большом зале королевского дворца в Сите собрались знатные люди королевства. Не все – те, что присутствовали на похоронах и были в Реймсе. Одни приняли свершившийся факт как должное, другие хмурили брови, выражая этим пока что молчаливое недовольство. Одни – преданные трону, другие – своим интересам. Два раза уже эти последние задавали вопрос королеве: когда выпустят узников из Лувра? Сегодня они собирались задать этот вопрос в третий раз. После коронации он должен решиться в их пользу.

Речь шла о Рено Булонском, графе де Даммартене, и Фернанде Фландрском. Рено и Филипп Август были друзьями. Король даже произвел Даммартена в рыцари и женил его на своей кузине. Но Рено, никогда не упускавший своей выгоды, разорвал брак и женился на наследнице графов Булони. Таким образом Рено предал короля, и Филипп, возненавидев его, за пару лет до Бувина отнял у него сеньорию Мортен в Нормандии, которую незадолго до того подарил ему. В отместку граф переметнулся к английскому королю и принял активное участие в подготовке похода против французского государя. А Фернанд Фландрский негодовал: ведь он в свое время купил этот феод у короля за большие деньги! Его окружение разделяло обиду графа. И лишь только речь зашла о вооруженном выступлении против французского монарха, Фернанд тотчас предал его.

На совете присутствовали: канцлер Франции Герен, архиепископы Санса и Буржа, епископы Шартра, Нуайона и Бове, графы де Сен-Поль, Монфор, Невер, виконт де Тюренн и другие. Те же лица, но не элита знати, которая игнорировала похороны и коронацию. Во главе собрания вдовствующая королева, справа от нее юный король, слева духовенство.

– Что скажет государыня Бланка Кастильская? Каким будет состав Королевского совета? – задал первый вопрос граф Овернский.

Бланка ответила, сразу же обозначив свою позицию:

– Ныне я всего лишь королева-мать. Решения принимает монарх.

– Однако ввиду несовершеннолетия короля дела государства должны находиться в ведении лиц, назначенных его опекунами, – подал голос виконт де Тюренн. – Мы желаем знать, кто эти лица. Назовите их имена. Они есть среди нас?

– Среди вас таких лиц нет, – обвела зал глазами Бланка.

– А, по-видимому, это те, кто не соизволил явиться на коронацию? – съязвил сир де Блуа. – Что же, король доверяет им больше, чем нам?

– Не говорит ли их отсутствие о том, – прибавил сир де Бурбон, – что они не желают видеть королем сына покойного Людовика Восьмого? Быть может, им по душе пришелся бы другой монарх, скажем, Филипп Строптивый? Ведь брак с Агнессой Меранской признан Папой Иннокентием законным.

– Юридически, ваше величество, статус Филиппа как брата покойного Людовика и дяди нынешнего короля вполне легитимный, – сказал Тюренн. – Не ему ли собираетесь вы передать бразды правления?

– Вот, значит, кого выбрали опекуном? – усмехнулся Сен-Поль. – Того, кто решил, что ему нечего делать на коронации? Может быть, он сам мечтает стать королем? Если так, то он опоздал. Ему надо было явиться в период междуцарствия, удобнее момента и быть не может.

– Но спросим государыню, мать нынешнего короля, – резонно оборвал реплики граф Невер. – Что думает по этому поводу она? Насколько нам известно, покойный король Людовик не оставил завещания. Он просил лишь беречь своих детей, а Бланке Кастильской отвел роль только матери юного короля, не больше. Ответьте же нам, ваше величество, кто будет опекуном вашего сына до его совершеннолетия? Если его дядя, то почему его нет с нами? Если он отказывается... а ведь он вправе отказаться?

– Еще бы, ведь когда-то его считали бастардом, – заметил граф де Суассон. – Видимо, смутное воспоминание об этом периоде заставило его отринуть даже самую мысль о воплощении в жизнь планов, касающихся оспаривания короны.

– Так это или нет, – продолжал Невер, – мы хотим знать, что думает нынешнее правительство в лице королевы-матери и высших представителей духовной власти об опеке над малолетним королем?

– Дадим слово его преосвященству, – подняла руку Бланка, утихомиривая этим жестом нараставший ропот, – но вначале я скажу несколько слов, правоту которых подтвердят присутствующие здесь представители духовенства. Вы спрашиваете, кто будет опекуном? Я вам отвечу. – И в наступившей могильной тишине она твердым голосом объявила: – Королева Франции Бланка Кастильская, мать нынешнего короля!

Ропот возобновился. Теперь зал шумел, как растревоженное осиное гнездо. Ее собирались отвергнуть, Бланка понимала это. Первая причина – иностранка. Но это в подоплеке, об этом они не скажут. Вторая – салический закон, отмененный королем Хильпериком.

– Женщина не может править королевством! – выкрикнул один граф, за ним другой, третий. – Такова «Салическая правда» еще со времен Хлодвига.

Бароны продолжали бушевать. Бланка не мешала им. Она знала, что ответить, она была готова к такому возражению. Теперь она терпеливо ждала, когда уляжется волнение.

Но Готье Корню решил опередить ее. Он не меньше королевы-матери был осведомлен в этом вопросе, к тому же его слово как главы франкской Церкви будет иметь, несомненно, больший вес. Он ударил посохом об пол и, приковав к себе всеобщее внимание, стал говорить.

– Государством правит отныне новый король Людовик Девятый, а вовсе не женщина, – произнес он во вновь наступившей тишине. – Под словом «государство» имеются в виду земельные владения, которые могут наследоваться только по мужской линии. Указанная глава «Салической правды» была отменена королем Нейстрии Хильпериком Первым, внуком Хлодвига, тем не менее франки по сей день свято чтут закон их предка. Преимущество в наследовании престола всегда остается за мужским потомством. Традиция ни в коей мере не нарушена и ныне, как это и было до сего дня. За примерами далеко ходить не надо: так было при Лотаре и его матери – королеве Герберге; так же при юном Филиппе Первом, когда его опекуницей, согласно завещанию короля Генриха, стала его мать Анна Русская. А потому заявляю: Бланка Кастильская, Божьей милостью королева Франции и мать юного короля, является опекуницей своего малолетнего сына до его совершеннолетия.

– Какой же возраст имеется в виду? – задал резонный вопрос де Сен-Поль, не знавший, по-видимому, что опекуном Филиппа I был граф Фландрии. – Ведь, как известно, закона о совершеннолетии не существует. Филипп Первый начал править один, когда ему не исполнилось еще четырнадцать, а его правнук Филипп Второй – в четырнадцать лет.

Этим вопросом бароны готовили себе место при короле через какие-то два года. Но Бланка, внимательно наблюдавшая царствование своего свекра, а потом супруга, разрушила их надежды. Она напомнила, что с 1215 года, согласно указу ее мужа – принца Людовика, возрастом совершеннолетия во всем французском королевстве считается двадцать один год. Примеров достаточно: графы Бургундский, Шампанский, Бретонский.

Бароны приуныли – впереди целых девять лет!

– Так кто же войдет в Королевский совет? – не вытерпел один. – Ведь именно он должен избирать опекуна малолетнего короля. Так что власть королевы-матери ничем не подтверждена.

Архиепископ дождался наконец своего часа:

– Все так, если бы не существовало завещания.

– Завещания? Но где оно? Его нет! Умиравший король говорил только об окружении своего сына заботой и его короновании.

– Вот оно! – торжественно произнес Готье Корню, извлекая из складок мантии свернутый в трубочку пергамент. – Вот документ, в котором покойный король Людовик Восьмой огласил свою волю. Именно он дает право королеве-матери Бланке Кастильской быть опекуншей своего сына до его совершеннолетия.

Воцарилось молчание. Казалось, бароны присутствуют при отпевании покойника. Недвижные фигуры, словно сошедшие с полотна живописца, сидели перед теми, в чьих руках находилась ныне судьба государства.

Внезапно графы задвигались, замахали руками.

– Такой документ должен быть удостоверен тремя свидетелями и на нем должна стоять подпись короля и королевская печать! – выкрикнул граф де Сен-Поль, за ним другие.

Архиепископ похвалил себя за проявленную им предусмотрительность. Он знал, что именно такие требования будут выдвинуты, едва он покажет пергамент. Он сумел убедить короля поставить свою подпись перед самой кончиной, а потом Герен с превеликим удовольствием приложил к документу королевскую печать.

– Вначале, в присутствии всех находящихся здесь лиц, будет мною оглашена воля покойного короля, – спокойно сказал он. – После этого желающие смогут убедиться в подлинности и легитимности документа, который по оглашении его будет храниться в тайниках Луврской башни.

Снова наступила тишина. Все глядели на архиепископа, уже понимая: то, что он сейчас прочтет, поставит крест на их честолюбивых планах.

Медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, Готье Корню стал читать документ:

«Мы, король Людовик Восьмой, по зрелом размышлении и находясь в здравом уме, пожелали и решили вверить нашего сына Людовика заботе и опеке над ним его матери – Бланке Кастильской, покуда не достигнет наследник возраста совершеннолетия. Вышеозначенной королеве-матери, нашей супруге, а также нашим близким друзьям вверяем мы королевство и попечение обо всех своих детях.

Людовик VIII, король Франции

Документ составлен в ноябре 1226 года при свидетелях, коими являются:

Архиепископ Санса Готье Корню

Епископ Шартра Готье, бенедиктинец

Епископ Бове Жиро де Вильер».

– Согласно каноническому праву завещание имеет силу, если составлено в присутствии двух-трех свидетелей, которые находятся здесь, – заканчивал архиепископ свое выступление. – Они перед вами. – Поворотом головы он указал на двух епископов. – Своей клятвой на кресте святые отцы подтвердят законность сего документа, не подлежащего сомнению в его подлинности.

Сказав так, архиепископ бросил выразительный взгляд на обоих прелатов. Те тотчас поклялись, приложившись губами к распятию, висевшему на груди патрона.

– Святая Церковь встала на защиту миропорядка в государстве французском! – гулко объявил архиепископ и обвел присутствующих грозным взглядом.

Никто не проронил ни звука. Доказательства были неопровержимыми. Гарантом тому – Церковь, которой не верить было нельзя.

Молчание затягивалось – имелся повод к размышлениям. Документ яснее ясного говорил сам за себя. Возраст совершеннолетия обозначила королева-мать, ныне опекунша. Завещание составлено по всем правилам, в нем указано главное – «по зрелом размышлении и находясь в здравом уме». Придаться не к чему. Отныне славлюбивые замыслы доброй половины присутствующих баронов зависели либо от испанки, с которой не так-то легко найти общий язык,

либо воплотить их в жизнь поможет... мятеж – то, что неизбежно происходило при каждом опекунстве в те далекие времена.

Желая убедиться воочию в том, о чем им только что было прочитано, бароны зашевелились и один за другим стали подходить к столу, на котором лежал пергамент. Внимательно смотрели, читали, разглядывали подписи, королевскую печать и отходили. Иные стояли дольше, чем следовало бы. Вчитываясь, наклонялись все ниже, ниже... Ничего не стоило схватить со стола завещание и порвать его в клочки. Может быть, кому-то и приходила в голову подобная мысль, однако никому не хотелось после этого оказаться в темнице или быть сразу же казненным по обвинению в государственной измене. Вдвойне глупой окажется такая смерть, если это всего лишь копия, а подлинник уже стережет Луврская башня. Именно об этом думали присутствующие, поглядывая на архиепископа, выглядевшего абсолютно спокойным, точно он предусмотрел такой поворот событий. Кстати говоря, именно так все и происходило: Готье Корню опасался подобной выходки – игра шла нешуточная.

Смотрины кончились. Бароны отошли от стола. Молчали. В молчании таился вопрос. Значит, королева-мать. Пусть так. Но и при ней должен быть Королевский совет. И вопрос прозвучал:

– Кто же войдет в совет? Кто станет советником королевы-матери и юного короля?

Архиепископ обвел всех тяжелым взглядом.

– Вы слышали текст завещания. Там ясно сказано: королевство и заботу о детях покойный король завещал друзьям своим и короны. Никто из вас не должен сомневаться в этих людях, когда прозвучат в этой зале их имена. Это епископ Санлиса и первый министр королевства отец Герен; второй министр Бартеlemi де Ла Руа; советник маршал и шамбеллан Жан де Нель. Остальных назовет ее величество королева-мать.

Бланка поднялась с места и, гордо вздернув подбородок, объявила:

– Маршал граф де Монфор, коннетабль сир де Бурбон, архиепископы Санса и Буржа, епископы Нуайона, Шартра и Бове. Все названные люди, исключая духовных лиц, вольных в своих действиях, отныне будут жить в королевском дворце. Вероятно, к ним прибавятся еще двое-трое. Прочие, не названные, остаются вассалами короны, готовыми в случае опасности встать на защиту границ нашего королевства.

– Нам хотелось бы знать решение нового правительства касательно двух узников Луврской крепости, – прозвучал вопрос, который у многих давно уже рвался с языка. Задал его сир де Блуа. – Помните, покойный король Людовик обещал выпустить их. Теперь это должен сделать его сын. Я говорю «должен», потому что так повелось давно: при коронации обязательно отпускают заключенных на свободу. Это их право на помилование. Так поступает каждый новый монарх.

И в упор, с едва заметной усмешкой барон посмотрел на юного Людовика. Мальчик растерялся, покраснел и беспомощно поглядел на мать. Она тотчас «дала графу пощечину»:

– Ввиду малолетства короля обращаться следует к его матери. Опекуншей являюсь я, и все вопросы решать мне! Запомните это и не допускайте в дальнейшем подобных оплошностей.

Сир де Блуа опустил глаза, сглотнул слюну, лицо пошло пятнами.

– Прошу простить, государыня, я, кажется, забылся.

– Не будем ссориться, сир де Блуа, но и не забывайтесь впредь. Что касается узников, то его величество не намерен нарушить традиции. Пленники будут отпущены на свободу, король дает в этом свое слово.

Людовик поднял взгляд на мать и кивнул.

Рено Булонский так и не дождался свободы. Он умер в конце года, незадолго до Пасхи. Отныне графом Булони становился Филипп Строптивый, дядя юного короля, носивший этот титул, куда Рено сидел в темнице. Этому дяде еще Филиппом Августом и Людовиком VIII

были пожалованы земли и замки, конфискованные у Рено в пользу короны сразу же после битвы при Бувине.

Ферран Фламандский (или Португальский, как его еще называли по его происхождению) после уплаты выкупа был вскоре выпущен из тюрьмы. Он принес оммаж новому королю.

– Так все и было? – спросила Бланка у архиепископа, когда бароны покинули зал и с ней осталось только духовенство. – Король и в самом деле продиктовал такое завешание?

– Так это или нет, но ничто не посмеет оспаривать его подлинность, – тонко улыбнулся в ответ Готье Корню.

– Тем более, что все это или почти все было оглашено в присутствии знатных людей королевства, – прибавил бенедиктинец Готье, преданными глазами глядя на архиепископа.

– Мы рады, что воля покойного короля была исполнена, – смиренно молвил Жиро де Вильер и молитвенно сложил руки на груди. – Сам Господь защитил помазанника Своего от происков его врагов.

Герен, старый Герен, верный слуга трона вот уже 46 лет¹¹, усилил впечатление от сказанного:

– И служит сие, как и мы служим, грешные, к вящей славе Господней, на благо и процветание королевства Французского.

¹¹ Подробнее о нем см. роман «Мудрый король».

Глава 6. Этапы прошедшего пути

Оставшись одна, Бланка, в сопровождении Бильжо, направилась в свои покои. Войдя, подошла к окну и устремила взгляд вдаль, на правый берег Сены. Перед ней полуразрушенная каменная арка Пипина, родоначальника династии Каролингов, и всегда оживленная улица Сен-Жермен Л'Оссеруа; она тянется от Шатле до Луврской башни. Дальше – сеть маленьких городских улиц, которых почти не видно из-за домов. За ними аббатство Святого Иннокентия с кладбищем, и фонтан, первый в Париже. Левее – рынок Ле Аль. Из начавших сгущаться сумерек взгляд выхватывает позорный столб, за ним, северо-восточнее, часовню Сен-Жак де Л'Опиталь и за ней ворота Сен-Дени. За городской стеной, детищем Филиппа Августа, видны вдалеке колокольня и шпили церквей и башен аббатства Сен-Лазар с его фермой и лечебницей. Это последнее, что может видеть глаз из королевского дворца в Сите, если не считать монастыря бенедиктинок слева, на холме Монмартр, и высоких башен Тампля – справа.

Бланка не смотрела ни влево, ни вправо. Плотно сжав губы и широко раскрыв глаза, застывшая, точно окаменевшая, глядела она прямо перед собой в серую даль, на чернеющие в этой дали башни аббатства. Мысли унесли ее далеко, во времена ее далекого отрочества, когда ей было всего двенадцать лет...

1200 год. Сколько событий произошло тогда! С Франции был снят интердикт: Филипп Август признал наконец Ингеборгу своей женой; затем брак Изабеллы Ангулемской с королем Иоанном, похитившим невесту прямо из-под носа у жениха. Что же еще произошло в этом году?.. Стена! Ограда вокруг Парижа по правому берегу Сены. Ее закончили наконец. А вот и самое главное – брак с принцем Людовиком. Ему исполнилось тогда тринадцать. Как это было?.. Легкая улыбка тронула губы Бланки. Она стала вспоминать...

Инициатива исходила от Алиеноры, бабки юной Бланки. Она прибыла в Кастилию вместе с Гийомом, епископом Лизье; ему надлежало препроводить невесту в Нормандию. Не обошлось и без королевских послов, троих, тех, кому свекор Филипп в особенности доверял.

Жизнь принцесс (а их было две) не отличалась разнообразием: целыми днями молитвы. Они просили Бога избавить Испанию от проклятых мусульман, которые затопили даже Гибралтар. Лишь под вечер девочкам позволяли послушать жонглеров и полюбоваться представлениями бродячих актеров. Прибытие посольства из Франции обрадовало принцесс: хоть какое-то разнообразие. Посмотреть на людей из другой страны, послушать их – и то радость! Одну из них должны были увезти в Нормандию, обе знали об этом. Похоже, старшую, – Бланка на два года моложе нее. Сестре будет вдвое горше, ведь теперь она останется одна.

Брак этот династический, а значит, важный. Английский и французский короли заключили мирный договор, одно из условий которого – это сватовство. Альфонс Кастильский, муж Элеоноры, дочери престарелой королевы-матери, не возражал: его дочь – королева Франции! Чем не удачный альянс?

Обеих сестер привели и поставили рядом друг с дружкой. Смутившись и порозовев, девочки опустили глаза. Потом осторожно подняли взгляды. Нет, ничего, вовсе не страшные дяди, напротив, очень даже любопытно на них посмотреть.

Послы тоже их разглядывали, время от времени тихо переговариваясь между собой. Им больше, по-видимому, понравилась та, что старше. Волосы, конечно, у обеих – вороново крыло, глаза тоже – по два блестящих уголька. Но на этом сходство и кончалось. У первой, старшей, было добродушное, круглое лицо с чуть вздернутым носиком, с веселыми, без конца бегающими туда-сюда глазами. На губах – легкая приветливая улыбка; пальцы рук, сложенных на животе, в беспрестанном движении. Лицо второй принцессы овальное, губы на нем поджаты, глаза холодно, не мигая, устремлены на послов. Нос тонкий, прямой, как стрела, волосы

собраны на затылке в пучок. Руки – по швам, ни один пальчик не шелохнется, словно принцесса стоит в строю по команде «смирно».

Одеты сестры тоже по-разному. Старшая – в розовом платье с вызывающим квадратным вырезом на груди; шею украшает ожерелье из жемчуга. Кроме того, слева на платье приколата брошь в виде бабочки с распростертыми широко в стороны алыми крыльями; в них также вкраплены жемчужины. В ушах у принцессы серьги – два сверкающих изумруда. На голове белая шапочка, украшенная разноцветными камешками. У сестры – ни жемчужин, ни камешков. Платье застегнуто наглухо, на груди тоже брошь, но это не бабочка, а коричневый жук с раскинутыми в стороны лапками (не сосчитать, сколько их) и четырьмя маленькими рубинами на спине. Ворот платья блестит позолотой, а в ушах – по крупному аметисту в золотой оправе.

Роста принцессы одного, словно под общей планкой росли, да и стать у обеих одинакова – не худенькие и не полные. Глаза у первой чуть дальше от переносицы, чем следовало бы; у второй – наоборот, чуть ближе.

Послам приглянулась первая. За ней, собственно, они и приехали. Король с королевой сразу поняли, что дочь пришлась им по вкусу – еще бы, ведь французы глаз с нее не сводят. Оба – отец и мать – переглянулись с улыбками: ну, кажется, удастся пристроить дочку, да еще не куда-нибудь, а отдать в жены французскому принцу, сыну Филиппа Августа, самого сильного и мудрого короля, как говорят о нем повсюду.

Осталось узнать имя. Послы уже радостно потирали руки: король будет доволен, а имя наверняка красивое, королевское, иначе и быть не может.

Несколько смутившись, король произнес:

– Уррака.

У послов вытянулись лица, стерлись улыбки с губ. Пресвятая Дева! Где это видано, чтобы у королевы Франции было такое имя! Да их на смех поднимут! Куда вы ездили, кого вы привезли? Люди будут хохотать до упаду, а потом станут высмеивать принцессу в своих стихках. А король – тот просто выставит их за дверь и отправит за другой принцессой... Кстати, как ее зовут? Упаси Бог, если и тут имя времен Тутанхамона.

Альфонс Кастильский уже не смущался. Второе имя должно понравиться, он был уверен в этом. И назвал его:

– Бланка.

Вытягивание лиц прекратилось. На губах заиграли улыбки. Такую не стыдно привезти во Францию. Настоящее королевское имя! А что моложе, так это даже лучше – почти ровесники они с будущим женихом.

Так решилась ее судьба. Потом они поехали в Нормандию. Бабка, помнится, осталась в Фонтевро и больше уже не показывалась оттуда. Несколько дней спустя будущую супружескую пару познакомили наконец друг с другом, а потом состоялось венчание. О, сколько надежд вселяли в сердца людей этот брачный союз и связанный с этим мирный договор между двумя державами, между непримиримыми врагами. Ведь отныне с войнами, тешили себя люди, покончено будет навсегда...

Но оказалось, то были лишь слова да подписи...

Ей очень понравился супруг. Оба страстно полюбили друг друга, и в 1205 году Бланка родила девочку, которая, однако, не прожила и года. Супруги долго оставались безутешными, но пару лет спустя родилась вторая девочка. Увы, не прошло и нескольких месяцев, как она тоже умерла. По двору поползли слухи о проклятии. Дошло до народа. Он молчал. Жалел, сочувствовал – кто знает? Но молчал, переживая, видимо, с молодой принцессой ее горе.

Потом, опять-таки спустя два года, родился сын Филипп. Она хорошо помнит, как радовались они тогда с Людовиком, особенно в день бракосочетания мальчика с юной графиней Агнес. Но через год после свадьбы смерть забрала к себе и третьего их ребенка. Ему было тогда почти девять...

Он родился в 1209 году. Что происходило тогда? Чем еще запомнился этот год? Бланка стала вспоминать. Ах да, незадолго до этого где-то на юге убили легата Кастильно, и Папа, сыпля проклятиями, словно громовержец, обрушил на еретиков армию крестоносцев во главе с Симоном де Монфором, доверенным человеком в деле защиты интересов короны.

Филиппу Августу не до этого, он занят борьбой с Плантагенетом, хотя ему и советуют обратить внимание на Юг. Если бы не Кастильно, вероятно, там до сих пор не утихали бы дебаты. Но легат был сторонником решительных мер. «Только огнем и мечом возможно истребить эту заразу!» – убеждал он свое окружение – папских посланцев. За что и поплатился жизнью. Чем окончилась кампания – всем известно.

Безье, Каркассон, что-то еще... Массовая резня, костры, виселицы... Десятки тысяч убитых! Все то, что угодно Святому престолу, наместнику Бога на земле. Цветущая, плодородная, культурная Окситания, страна трубадуров, рыцарей и их прекрасных дам, превратилась в груды развалин, и запылали повсюду сотни пожаров, окутывая Лангедок трупным запахом...

Год 1213-й. Она родила близнецов, которые умерли в этот же день и в один час. Смерть подбиралась уже и к ней, никто не гарантировал ей жизнь. Слишком много крови ушло из нее. Побежали за священником. Тот уже принялся читать отходную. Людовик стоял на коленях, рядом с ним сын Филипп. Оба плакали, прощаясь с нею. И она уже прощалась – с ними, с жизнью, со всем... Как не хотелось умирать! Ведь ей совсем недавно исполнилось только двадцать четыре года... Но тут вдруг подвели к ней какую-то женщину. Старая, седая, вся в морщинах, на фурию похожа. Подумала тогда Бланка: «Уж не из ада ли это посланница за мной явилась?» А та тем временем быстро отдавала распоряжения. Все вышли, осталась лишь она, умирающая, и еще две или три женщины. И тут эта старуха приступила к врачеванию. Что она делала – лишь Богу известно, только Бланке вдруг стало так больно, что сознание вмиг покинуло ее. И подумалось всем, что это конец... Но на другой день Бланка открыла глаза. Еще болело где-то внутри, тянуло, жгло, но теперь ей стало лучше, она чувствовала это. Она даже произнесла несколько слов, хотя еще вчера не было сил даже рта раскрыть.

– Разве я еще не умерла? – спросила она тогда у этой женщины, которая поила ее каким-то питьем.

– Теперь тебе это уже не грозит, милая, – ответила ей старуха.

– Уж не монах ли это? Он всё бесов отгонял.

– Так отогнал, что священник начал читать отходную молитву, – усмехнулась знахарка.

– Но как же я выжила? Как победила болезнь?

– Благодарю эту женщину, принцесса, – сказали ей повитухи, указывая на старуху. – Кабы не ее искусство, то уж отпевали бы тебя.

– Кто ты? – повернула Бланка лицо к знахарке. – Кем послана? Как тебя зовут?

– Прознала про твою беду, вот и пришла, – только и ответила на это старуха, потом снова стала врачевать, дала выпить еще целебного питья, и опять Бланка провалилась в глубокий сон.

Когда очнулась, старухи рядом уже не было, – ушла она, наказав повитухам, что делать, как и чем поить больную. И не узнала бы имя своей спасительницы молодая принцесса, если бы одна из женщин не сказала ей, что зовут эту старуху Милзандой, а живет она в деревне, как говорили – где-то недалеко отсюда. Полмесяца спустя король Филипп приказал разыскать эту женщину и привести во дворец. Прочесали сотни деревень чуть ли не до самого Орлеана, но знахарки и след простыл. Только имя ее осталось в памяти у Бланки, его и произнесла она сейчас с благодарностью, со слезами на глазах. Имя той, перед кем она пала бы на колени, целуя подол ее платья.

В этом же году, чуть позже – она помнит это, – битва при Мюре. Вновь крестоносцы пошли на еретиков и – очередная победа де Монфора! В этот день пал на поле боя король Арагонский, защитник прав и вольностей южного дворянства. Говорили, что в ночь перед битвой,

надеясь на чудо, альбигойская знать предоставила монарху своих жен и дочерей, надеясь таким образом сверх меры ублажить его, но не подумав, что этим до крайности истощит его силы.

Дальше Бувин... Бланка тонко усмехнулась. Английский король собрал стаю из жалких псов. Оттон рассчитывал на него в своей борьбе, которую он вел с Папой за главенство в христианском мире. Граф Булонский был просто куплен, как продажная девка в базарный день. Остается Фландрия. Что ж, мотивы поведения фламандцев нетрудно понять: в конце концов, они боролись за свою независимость; кроме того, Англия была давнишним торговым партнером Фландрии (англичане поставляли сюда шерсть).

Итак, битва при Бувине 27 июля 1214 года... Блистательный памятник ее свекру Филиппу, разбившему коалицию врага. Ее муж очень помог тогда своему отцу, загнав Иоанна обратно в Ла-Рошель, откуда он с позором уплыл домой. Император Оттон бесславно бежал с поля боя вместе с фламандцами, а король взял в плен двух предателей – Рено Булонского и Феррана (Фердинанда) Фландрского. Уж как рад был Папа Иннокентий! Его извечному врагу надавали тумачков: оборвалась политическая карьера Оттона IV!

Наименьший ущерб понес король Иоанн. Бесконечным грабежом знати этот недалекий правитель до крайности озлобил ее против себя, развязав в своем королевстве настоящую гражданскую войну. В 1215 году бароны заняли Лондон и двинулись против Иоанна. Они заставили его принять их требования, среди которых был отказ следовать за ним на завоевание Пуату. Кроме того, знать отказалась платить щитовую подать взамен военной службы и потребовала применения в государстве законов короля Генриха I. Так появилась на свет «Великая хартия вольностей», которую, впрочем, Иоанн спустя несколько месяцев отменил. Знать выступила против него, изгнала его из города и позвала к себе Людовика Французского. Ему быть королем Англии, ибо он женат на племяннице изгнанного короля, дети которого, согласно приговору за убийство Артура Бретонского, не имели прав на престол. Рим долго сопротивлялся, но в конце концов уступил. Людовик высадился на английском побережье и направился к Лондону. Неожиданно помогла Шотландия. Ее кажущаяся независимость не давала шотландцам никаких гарантий. Их король принес даже оммаж французскому принцу. Но тут неожиданно умер Иоанн. Поистине, лучшее, что он смог сделать для своего королевства – это умереть. И Бог, увидев это, оборвал нить его жизни. Ловкие бароны спешно короновали его сына, десятилетнего Генриха, а Людовика попросту выгнали, да еще и набросились на него, так что несостоявшийся монарх едва успел унести ноги.

Таким был английский поход супруга; Бланка хорошо помнила то время, ведь прошло всего десять лет. А еще, примерно тогда же, IV Латеранский собор запретил ордалии – этот варварский, чудовищный по своей сути обычай установления виновности обвиняемого либо его оправдания этаким «Божьим судом». Испытания водой, огнем, раскаленным железом – все отошло в прошлое, осталась лишь одна из форм такого суда – решение судебных дел в поединках, с оружием в руках.

Первый поход Людовика на Юг – все тот же 15-й год. Что-то еще она упустила, нечто важное. Ах да, призыв Папы к новому походу на Восток. Пятый крестовый поход. Папа поручил давать крест любому, кто пожелает, будь то вор или преступник. Духовенство трубило во всю силу своих легких, что царство пророка Магомета близится к концу, ибо он в Апокалипсисе назван диким зверем, поскольку явился 666 лет назад – звериное, дьявольское число. Поход начался в 1217 году, но ни свекор, ни супруг не приняли в нем участия. Как оказалось впоследствии, он не принес никакой славы.

Через год после выступления крестоносцев умер Симон де Монфор. Точнее, был убит камнем при осаде Тулузы. Но до этого... Бланка напрягла память. Тулузская заутреня, сентябрь, 1217 год. Из Каталонии вернулся неожиданно в город граф Раймонд VI, «и воспрянул народ духом, и возблагодарил Господа за спасение жизни их графа и защитника и за то, что он вновь с ними». «Бросились женщины на французов, кто с кольем, кто с ножом, копьем или

камнем, и великая резня случилась в то утро 13 сентября. И в спешке, кто остался в живых, покинули захватчики город». Так увековечил это событие летописец¹².

1219-й. Прошел год после смерти Монфора. Второй поход супруга Людовика. На его пути город Марманд. Бланка слышала об избиении французами мирных жителей. Но Папа приказал – убивать всех! Уничтожить гнездо ереси! И вот – пять тысяч, собственно, ни в чем не повинных людей, бессмысленных жертв. Ровно десять лет прошло после бойни в Безье. И Марманд и Безье – сродни тулузской заутрене с той разницей, что действующие лица меняются местами. Бланка подумала о духовенстве, которое поощряет такие вот массовые, бесцельные убийства. Во славу веры! Во имя Господа! Так угодно Ему! До чего же кровожаден этот Бог. Зачем Он создал человека? Затем, чтобы спустя годы, столетия, тысячелетия упиваться зрелищами массовых убийств Ему во благо, на утешение! Епископы, кстати, с удовольствием принимали участие в альбигойских войнах, надеясь обогатиться или же повинувшись папской необходимости. Многие из них, правда, уже не возвращались. В основном – из походов в Святую землю.

Ей надоело уже стоять у окна, к тому же видимость сквозь цветные стекла заметно ухудшилась: растаяли в сумраке башни, колокольня, арка, ворота – всё. Она повернулась, направилась к креслу в глубине покоев. Села в него, тяжело вздохнув. В ногах примостился верный страж.

– Трудно тебе будет, королева, – сказал он, преданными глазами глядя на нее.

Вот так запросто, фамильярно, он разговаривал с ней. Они друзья – значит, никаких условностей. Она сама позволила. Мужчина поступает так, как позволяет ему женщина.

– Да, Бильжо, – ответила она, кивнув. – Видел их лица, когда я объявляла им состав Королевского совета?

– Видел. Они выражали недовольство.

– Такими они будут всегда. Но я не могу поселить у себя во дворце всю знать королевства. Мне они просто прохода не дадут, а потом постараются очернить меня в глазах сына. Каждый день они будут нашептывать ему всякие гадости в адрес его матери. В конце концов они составят обширный заговор. Меня они просто отравят, а юный Людовик станет в их руках обыкновенной игрушкой.

– Заговор созреет быстро. Стаю поведет за собой крупная рыба. Одна из рыб – тот, кто не прибыл на коронацию; тот, кого ты хотела бы видеть подле себя.

– Тибо?..

– Его не пустили в Реймс. Горожане назвали его убийцей твоего супруга и выгнали из города.

– Что ты говоришь?! – Бланка в волнении ухватила Бильжо за плечо. – Так он, значит, собирался? Он хотел?..

– Они сделали его твоим врагом.

– Врагом? Тибо? Кто тебе сказал?

– Горожане. Они кричали, что ты велела им не пускать его, потому что он убийца короля. Услышав это, граф покинул Реймс.

– Но ведь это клевета! Я ничем не оскорбила его! Я даже не была с ним грубой. Как мог он подумать, будто я его ненавижу?

– Всему виной кардинал. Ты недвусмысленно дала ему понять, что не желаешь больше видеть Тибо.

¹² Его коллега много лет спустя описал страшную резню 1282 года, получившую название «Сицилийской вечерни». Несправедливо, на мой взгляд, что именно это событие увековечено мадам Историей, а вот про Тулузскую заутреню она почему-то не сочла нужным помнить.

– Я всего лишь попросила его сказать графу, чтобы тот умерил свою назойливость. Ты же слышал.

– Кто знает, что наговорил легат своему сопернику.

– Сопернику?

– По дворцу ползут слухи, что ты не отказываешься от любовных ухаживаний кардинала Сент-Анжа.

– Но это не так, ты же знаешь! Кроме обыкновенных любезностей и бесед духовного плана у нас с ним ничего не было и быть не может!

– Люди видят и слышат то, что хотят видеть и слышать. Родившись в голове одного, подозрение быстро переходит в уверенность в умах остальных.

Бланка задумалась. Она и в самом деле в последнее время стала замечать на себе взгляды Сент-Анжа, не понять которые не смогла бы ни одна женщина. Ее оправдывало только то, что она не давала им перерасти в нечто большее.

– Что же мне делать, Бильжо? – Она поистине нуждалась в помощи друга, от которого не имела секретов. – Посоветуй.

– Держи его на расстоянии, но не вздумай ссориться с ним. Наступив на грабли, получишь удар рукоятью по голове.

– Еще бы – он послан Папой.

– Он занимает при тебе место Господа. С такой особой надо дружить. Нет врага сильнее Папы. Мне ли тебя учить? Тебе предстоит борьба. Опирайся на кардинала и других.

Он говорил отрывисто, рублеными фразами. Бланка к ним привыкла. Глубоко вздохнув, она откинулась на спинку кресла. Руки на подлокотниках, ноги на коврик, неподвижный взгляд устремлен на стену; неизвестный живописец как мог изобразил здесь Богородицу с младенцем Иисусом на руках. Королева-мать пылливо всматривалась в лик Святой Девы, словно спрашивая у нее: что делать? с чего начать? Как сохранить королевство свекра Филиппа и не дать вспыхнуть бунту баронов, которые захотят править сами, навязывая – и это в лучшем случае – ей и Людовику свою волю? Муж умер, сын мал, и она осталась одна, к тому же иностранка. Прав Бильжо: ее опора – лучшие люди королевства. В первую очередь – совет, в котором друзья покойного короля Филиппа. Теперь они ее друзья.

Она подумала о своих детях, тех, что родились после Людовика. Робер. Ему уже десять. За ним Филипп. Бедняжка, он прожил всего два года. Сколько же смертей своих малюток пришлось ей пережить... Следующий – Жан, семь лет ему. Болеет – всегда бледный, часто кашляет. Шестилетний Альфонс покрепче: веселый, энергичный, розовые щечки. Потом вновь Филипп, третий по счету, Изабелла и Карл. Этот, последний, – в будущем, около половины срока осталось¹³. А имя ему дал еще покойный отец. Если дочь – Маргарита.

Бланка вспомнила, как еще в прошлом году покойный супруг одаривал детей земельными владениями. Это было его наследство. Людовик как старший владел всем доменом, включая сюда и Нормандию; Роберу отходило графство Артуа; Анжу и Мен – Жану Тристану; Альфонс получал Пуату и Овернь.

Прав ли был король? Не сделал ли ошибку, дав каждому такие солидные куски, делавшие братьев крупными феодалами? Не приведет ли это в будущем к расколу государства на отдельные провинции, этикие сеньориальные феодалы – то, что всячески старался уничтожить Филипп Август? Не причинят ли они серьезные затруднения главе монархии своим высоким положением, своей близостью к королевскому дому?

Бланка подумала о сыновьях Генриха II. Яркий пример перед глазами. До самой смерти отца каждый из его сыновей не давал ему покоя, борясь за увеличение наделов, за власть.

¹³ Карл родился в марте, его отец умер в ноябре того же, 1226 года. Новый год во Франции до середины шестнадцатого столетия (1567) начинался с Пасхи. Значит, Карл родился после смерти отца, за месяц до нового, 1227 года.

Между собой и то грызлись, оспаривая друг у друга главенство. Впрочем, эти волчата из проклятого рода Анжу все как один страдали психическими расстройствами. «Чертово семя» – так их называли¹⁴. Злобные, взбалмошные, легкомысленные. Было в кого: их мамочка Алиенора отвечала всем этим требованиям, а отец страдал нервными срывами. Но Капетинги не дьявольского происхождения, они не легкомысленны и не психопаты. Она вырастит «сынов Франции» в суровости и серьезности, в любви к старшему брату, главе семейства, в почитании их деда, великого и славного короля Филиппа.

Пожалуй, если кинуть взгляд в прошлое, не стоило дробить таким образом королевство. С другой стороны, это принцы крови, им нельзя уподобляться мелким вассалам, владеющим крохотными наделами. Ведь крупное владение – это признак высокого происхождения, а обширные области, бывшие под властью старых знатных фамилий, теперь будут управляться династиями, взятыми из монархической среды.

Такие рассуждения успокоили Бланку, но довольно быстро она вновь нахмурилась. Мысли о предстоящей войне со знатью тревожили ее. Покойный свекор с сыном крепко прижали вельмож. Теперь те поднимут головы и станут мстить. Опекунство испанки – удобный момент.

Мысленным взором Бланка обвела территорию королевского домена. Все как один накинутся на нее, и некому ей помочь, ни единой руки дружбы вокруг! Если только юго-западная знать. Но есть и еще один друг – Шампань! Тибо, ее воздыхатель! Неужели Бильжо прав и Тибо ее предаст? Будь иначе, он был бы здесь, у ее ног. Но его нет. Ах, поэт! Вот когда ей нужны его стихи и он сам. Как она старалась не оттолкнуть его от себя! Как мечтала иметь Шампань в числе своих друзей, во всяком случае, не ссориться с ней! И вот все разом рухнуло по ее же вине. Плюс к этому – коронация. Глупые жители Реймса. Если бы знали они, чем обернется для нее их ненависть к графу Шампанскому!

Ах, Тибо, неужели ты предал меня?..

¹⁴ Согласно преданию жена графа Анжуйского оказалась, как выяснилось в церкви во время богослужения, злой феей Мелузиной, дочерью Сатаны. Все Плантагенеты происходили от детей, родившихся от нее. Ее потомок Ричард Львиное Сердце, не отрицая «дьявольского» происхождения, говорил: «Мы, которые от дьявола пришли, должны к нему и вернуться».

Глава 7. Нежданная гостья

Королевский двор ждал событий. Что-то должно было произойти, мысль об этом витала в воздухе. Смерть главы государства всегда сопровождается анархией. Правительство разослало секретных агентов во все уголки королевства, но никаких конкретных сообщений от них не поступало. Все строилось на домыслах, бездоказательных фактах. А между тем Бланка не сомневалась, что бароны готовят восстание. Но где, как, кто и когда – этого никто не знал. Дворец в Сите замер, готовясь к неизбежному. Юного Людовика спрятали в надежном месте, закрыли городские ворота, поперек Сены протянули цепи. Сотня наемников охраняла дворец, остальные патрулировали у ворот. В лесах вокруг города стояли наготове войска.

Париж молчал. Париж ждал, готовый встать на защиту короля.

В один из декабрьских дней к Сент-Антуанским воротам подъехал отряд всадников. Их десять, не больше и не меньше. В середине отряда женщина верхом на чалой лошади. Охраняют ее не только спереди и сзади, но и с боков. Лицо ее под вуалью. На ней лиловый плащ, на голове дорогая шапка, крытая кругом собольим мехом, на руках теплые белые перчатки. В руках у знаменосцев два древка с флагами, изображающими герб: синий фон пересекает белая полоса, по обе стороны которой зеленые узоры с желтыми пересечениями.

Отряду пришлось подождать, пока выяснили – кто, откуда и к кому. Лишь удостоверившись, что никакой опасности, в общем-то, нет и гостей все равно так просто не пропустят туда, куда они держали путь, стражники открыли ворота. И тотчас закрыли. Отряд ровной рысью направился по улице Сент-Антуан в сторону Шатле, потом повернул на Большой мост и вскоре остановился перед королевским дворцом.

Бланка только что вернулась с Малого совета. Прибыли три гонца, но ничего определенного сказать не могли. Единственное, что насторожило агентов, – небольшие отряды всадников, направляющиеся в сторону Турени. Но лиц не видно – мешают высоко поднятые воротники и глубоко надвинутые на глаза шапки, у всех одинаковые. Да и отрядов этих, с дюжину всадников каждый, всего несколько показалось на дорогах с перерывами в день-два.

Едва королева-мать вошла в свои покои, как появившийся внезапно камердинер доложил:

– Графиня Шампанская Агнесса де Боже просит ваше величество принять ее.

Бланка резко обернулась. На лице изумление. Агнесса? Супруга Тибо? Что бы это могло значить? Она поглядела на Бильжо и увидела сдвинутые брови у него на лице.

– Приси, – бросила она камердинеру.

Вошла молодая женщина лет двадцати пяти. Глаза голубые, взгляд прямой, выражение лица бесстрастное, и все же тень тревоги лежит на нем, нельзя не заметить. Бланка догадалась, чем вызвана эта тень. Но тут же отбросила эту мысль: гостья не посмела бы явиться к королеве выяснять отношения.

Эта дама была дочерью сеньора де Боже и Сибиллы де Эно, сестры первой жены Филиппа Августа, Изабеллы.

– Я рада видеть вас, графиня, – подходя ближе, с легкой улыбкой произнесла Бланка. – Вы редкая гостья. Помнится, мы виделись в последний раз...

– В день коронации вашего супруга, мадам, – с легким поклоном напомнила Агнесса де Боже, – три года тому назад, в августе, в Реймсе.

– Совсем недавно Реймс стал свидетелем другой коронации. Мне искренне жаль, графиня, что вас не оказалось среди приглашенных.

– Супруг не пожелал известить меня об этом. В последнее время он стал меня избегать.

– Но его тоже не было в соборе.

– Мне это известно. Я потому и пришла к вам, ваше величество.

– Давайте сядем к огню, здесь не так уж тепло.

– Это будет нелишним – на дворе декабрь, у меня немного озябли руки.

Бильжо пододвинул к камину два кресла – одно против другого, под небольшим углом к очагу. Бланка не сводила глаз с гостыи, гадая о причинах этого странного визита. Графиня, стянув с рук перчатки, протянула руки к огню и стала заворожено смотреть на плясавшие в камине языки пламени. Губы ее были плотно сжаты, ноздри широко раздувались, взгляд не отрывался от огня. Бланка поймала себя на мысли, что завидует ее молодости, свежести и привлекательности черт лица. А она сама уже устала от бесконечных родов. Но эти будут последними...

Агнесса повернулась к ней. На губах – виноватая улыбка.

– Прошу прощения, мадам, я, кажется, немного забылась.

– Вы к нам из Провена? – вывела ее из состояния некоторой неловкости королева-мать. – Я гостила у вас не однажды. Прекрасный дворец, благоухающий розами, лавандой; радующие глаз орхидеи в оранжерее... Гордые рыцари-поэты, красивые женщины! О, это поистине двор кургуазной любви.

– У вас хорошая память, государыня.

– А какие в Провене ярмарки! Слава о них гремит по всей Европе. Чего там только ни увидишь: фламандские ткани, нормандские боевые кони, шелк из далекого Китая... да разве все перечислишь!

– Вы правы, мадам.

– Вероятно, вы добирались до Парижа из Мо. Здесь более или менее укатанная санями дорога...

– Прошу простить меня, ваше величество, но я к вам по делу. – Графиня сразу же решила объявить о цели своего визита. И продолжала, видя, что ее внимательно слушают: – Над вашим домом собирается гроза, и я пришла предупредить вас об этом. С этим связаны коварные планы моего супруга, которые с вашей помощью я намерена разрушить. Всему виной он сам. Ему надлежало бы помнить о том, что он должен любить свою жену. Я оскорблена тем, что лишена его внимания, которое он охотно уделяет другим.

– Кого вы имеете в виду? – скрывая волнение и уже предугадывая ответ, спросила Бланка.

– Ни для кого не секрет, ваше величество, что он уехал из-под Авиньона, желая как можно скорее увидеться с вами. Повсюду только и твердят о том, что мой супруг влюблен в королеву Франции и неустанно слагает в ее честь стихи и поет канцоны. Как женщину, надеюсь, вы меня хорошо понимаете.

– Вероятно, графиня, вы пришли сюда затем, чтобы выдвинуть против вдовствующей королевы обвинение, уличающее ее в любовной связи с вашим мужем? Уверяю вас, вы заблуждаетесь. Его песни не трогают моего сердца, а стихи не возбуждают в моей душе равно никаких чувств. Вы можете быть спокойны: мне вовсе не до амуров. Во-первых, я скоро вновь стану матерью, а во-вторых, государственные дела не позволяют мне думать ни о чем другом.

– Именно это и побудило меня нанести вам визит, мадам. Упаси вас Бог подумать, что он вызван ревностью. Я здесь не затем, чтобы уличать королеву, которая, кстати, доводится Тибо двоюродной тетей. Клянусь, я никогда не посмела бы этого сделать, даже если бы знала наверняка, что мой супруг разделяет с вами ложе. Я не Агриппина¹⁵, и мною не руководит жажда мести. Подданные ее величества должны быть выше этого.

– Признаться, я подумала, что вы пришли ко мне в поисках вашего мужа, – ответила Бланка, – а потому задалась вопросом: где же он может быть, если не в своем замке?

¹⁵ Жена императора Клавдия, Агриппина, узнав о любовной связи супруга с Лоллией-Полиной, приказала отрубить ей голову.

Бланка напряглась в ожидании ответа, который поставит на чашу весов будущность короны; он даст понять, потеряла ли она своего могущественного, самого сильного друга и защитника – графа Шампани и Блуа!

И Агнесса де Боже проговорила:

– Его нет там, но я знаю, где он.

У Бланки упало сердце. Подтверждались ее самые худшие опасения.

– Вы принесли мне худую весть, графиня. Догадываюсь, что вы хотите сказать.

– Я думаю, ваше величество, вас мучает вопрос: где же может быть Тибо Шампанский, если не дома? Не ошибусь, сказав, что речь идет вовсе не о даме сердца, желающей знать, чем занят сейчас ее рыцарь.

– Разумеется. Я желаю знать это как правительница государства. Вы понимаете меня?

– Мы обе, полагаю, прекрасно понимаем друг друга, мадам. Вы правы, я пришла сообщить вам дурную новость.

– Иных я и не жду.

– Я предаю моего мужа, причем вполне сознательно, но это мой реванш, довольно с меня унижений. Кажется, до недавнего времени мне и в голову не приходило, что я смогу послужить короне вернее, нежели мой супруг.

Бланка начала догадываться, что гостя невзначай стала обладательницей некой важной тайны, касающейся интересов государства. И тайну эту она пришла сообщить ей, думая при этом не столько о политике, сколько желая «насолить» охладевшему к ней мужу.

– Говорите! Говорите же, графиня, умоляю вас! – потребовала она.

И Агнесса поведала ей:

– Недавно к нам в замок прибыл всадник. Его тотчас провели к мужу. Их беседа длилась совсем недолго, но я слышала все от слова до слова. Этажом выше камина есть слуховое окно; оно открывается, если кому-то очень хочется знать, о чем говорят внизу. Предполагая узнать имя очередной любовницы моего ветреного супруга и его планы, касающиеся их отношений, я вознамерилась подслушать этот разговор. Но, боже мой, мадам, что я услышала вместо этого! Всадник этот прибыл из замка Шинон. Вначале я не придавала этому значения, но потом услышала имена: Моклерк, герцог Бургундский, графы де Ла Марш, де Куси, Шатору... Насколько мне известно, это ваши враги – их не было на коронации.

– Откуда вы это знаете?

– Провен не так уж далеко от Реймса. Но я знаю еще и то, что кто-то пустил в народе слух, будто Тибо отравил вашего мужа из зависти, что тот разделяет с вами ложе.

Бланка повернула голову, мрачно уставилась в огонь. Она вспомнила разговор с Бильжо. Горожане Реймса... Они поверили ложным слухам. Но откуда они? Кто их автор? Она догадалась: бароны! Они уже начали действовать. Их первый удар – игнорирование коронации. Второй направлен на то, чтобы лишить ее самого сильного союзника, перетянув его на свою сторону. Она уже ощутила силу этого второго удара.

– Кроме того, – продолжала Агнесса де Боже, – ему кричали, что не пускать его на коронацию – приказ королевы-матери!

Третий удар! Резко вскинув руки, Бланка закрыла ладонями лицо. Боже мой, до какой подлости дошли ее враги! Шайка бесчестных негодяев! Они надумали вышибить ее из седла. Тибо... Как он мог поверить?.. Так вот какова его любовь! Но где же он сейчас? Неужели?..

– Что было дальше? Рассказывайте, графиня, что произошло потом?

– Тибо сказал посланцу, что немедленно покидает замок. Наутро они оба ускакали.

– Куда?

– В Шинон! Там собралась мятежная знать. Ждали только его. Одно мне не ясно: почему именно Шинон?

– Проще простого, – ответила Бланка, даже не думая. – Замок далеко от Парижа, там удобно собрать силы. К тому же это вассальный город. Кому придет в голову искать там мятежников?

Она вспомнила донесения своих агентов. Именно в этом направлении двигались подозрительные отряды. Стало быть, ошибки быть не может. Агнесса де Боже только подтвердила сообщения лазутчиков.

Времени терять было нельзя. Она не должна опоздать!

Бланка быстро вышла в коридор.

– Охрана!

К ней тотчас подбежал начальник дворцовой стражи.

– Всех советников, маршалов, министров и епископов – ко мне! Живо!

Стража бросилась на поиски. Бланка вернулась в будуар.

– Я не забуду того, что вы сделали для короны, графиня. Что касается вашего мужа, то, клянусь вам, наши отношения были только дружескими. Но отныне он стал врагом короля, и нет ему оправдания. Я накажу всех, кто посмел поднять бунт! Лишь бы только успеть, не дать им времени собрать силы. Помня нашу дружбу с Тибо, а также ради вас самой обещаю вам не наказывать вашего супруга. Мало того, я дарю ему прощение, если он повинится перед короной.

– А если нет? – напряженно спросила Агнесса. – Прошу вас, ваше величество...

– Успокойтесь, графиня. У меня достанет ума не порывать дружеских отношений с Шампанью. Я постараюсь вывести его из заблуждения, связанного с моей ненавистью к нему. Увы, одно только мне не подвластно.

– Что же это, мадам?

– Я не смогу запретить ему слагать стихи и петь любовные песни, посвященные даме его сердца.

– То есть вам?

– Пусть лучше ваш муж поет песни вдовствующей королеве, нежели выступает против нее с оружием в руках. А сейчас вам лучше всего покинуть дворец. Никто не должен знать, что вы были здесь, даже те люди, которым я вполне доверяю. Вы поняли меня?

– Я назвала свое имя камердинеру, который доложил обо мне. Он стоит у дверей. Кажется, я совершила ошибку.

– Я исправлю ее. Выходите отсюда через тайный ход. Накиньте вуаль. И немедленно покиньте Париж. Я позову вас, когда вы мне понадобится. Может быть, это случится скорее, чем мы с вами думаем. Прощайте! Потайной ход выведет вас к парадному крыльцу, где вы, вероятно, оставили своих людей.

– Они в караульном помещении: на дворе зима.

– Ваш провожатый разыщет их. Бильжо, проводи госпожу графиню и сейчас же возвращайся.

– Да, мадам.

И верный страж повел гостью в глубь комнаты, где пряталась за портьерой потайная дверь.

Бланка вышла в коридор. У дверей стоял камердинер.

– Понсар, ты помнишь, как звали ту даму, что просила принять ее?

– О да, ваше величество, это была графиня де Боже.

Сузив глаза, Бланка подошла вплотную к слуге.

– Ты любишь жизнь, верный солдат, и дорожишь поэтом своей головой, не так ли?

Камердинер изменился в лице, раскрыв рот.

– Тебе не хотелось бы однажды оказаться удушенным или стать почетным гостем мэтра Калюша, королевского палача? – продолжала Бланка, не сводя с Понсара холодных немигающих глаз.

Бедняга задрожал. Нижняя челюсть у него отвисла, потом вдруг мелко задрожала от страха. Он подумал, что сделал непростительную ошибку.

– Ваше величество, – залепетал он, падая на колени, – простите меня, умоляю, но разве мог я знать, что мне не следовало пускать к вам эту женщину? Ваше величество...

– Встань, – приказала Бланка. – И запомни: эту даму ты не видел, никакой графини де Боже ты никогда не встречал и никого ко мне в покои не приводил. Тебе понятно?

Понсар часто закивал головой; широко раскрытые глаза излучали собачью преданность.

– Повтори.

Он выполнил приказание столь усердно, будто с самого утра твердил эту фразу, желая заучить.

– Помни мой приказ и даже под пыткой не смей называть имени этой дамы. Вздумаешь обмолвиться об этом с кем-нибудь хоть единым словом...

– Клянусь, ваше величество, я буду нем, как могильный червь! Я никого не видел и ничего не знаю. Здесь не было ни единой души.

– Я верю тебе. Впускай ко мне членов Королевского совета без доклада.

И Бланка вернулась в кабинет. Подошла к окну, остановилась. В голове рой мыслей, десятки вопросов без ответов. Сейчас бы побыть одной, все хорошенько обдумать, взвесить, но времени нет. Она должна их опередить. Должна. Или не быть королевству!

Советники вскоре собрались – все или почти все. Пришли, смотрят недоуменно на королеву-мать, переглядываются.

– Я вижу, удалось собрать больше половины совета, – не садясь и никому не предлагая садиться, сразу же начала Бланка. – Передо мной правительство, которое вверило мне бразды правления государством, не так ли? Принимая какое-то решение, я обязана согласовывать его с вами, моими верными подданными. Однако ситуация такова, что нет времени советоваться и, раздумывая, морщить лбы. Только что я узнала о готовящемся бунте против королевской власти. В лучшем случае мятежники выдвинут требования, угрожая пойти на Париж, в худшем – соберут силы и пойдут на нас войной.

– Мятежники? Кто они? Где их логово? Какие требования они намерены выдвигать? Как вы, ваше величество, об этом узнали? – посыпались со всех сторон вопросы.

Бланка молча ждала, когда утихнет разногласия, когда советники прекратят переглядываться, делая удивленные или нахмуренные лица, и, утихомирившись, станут смотреть только на нее.

– Вы просите назвать имена? – продолжала она. – Об этом нетрудно догадаться. Это те, кого нет и не может быть среди вас, кто не присутствовал на коронации, наконец, не соизволил явиться даже на похороны. Эти люди готовят бунт! Будущее монархии зависит от того, сумеем ли мы подавить его в зародыше, не опоздаем ли. Но не думаю, чтобы враг был так уж скор на руку.

– Откуда такие сведения? – подал голос Ла Руа. – Надежны ли они? Можно ли им верить?

– Вполне; их доставил преданный короне человек.

– И он назвал имена? – спросил епископ Бове.

– Безусловно. Сейчас вы услышите их. Герцог Бургундский, Ангерран де Куси, Раймонд Седьмой Тулузский, герцог Бретонский со сворой родственников из дома Дрё... граф Тибо Шампанский...

– Тибо?! – разом воскликнули несколько человек, едва ли не все. – Но ведь он...

Так и осталась недосказанной фраза. Тем не менее все хорошо поняли ее: любовь Тибо к Бланке Кастильской уже ни у кого не вызывала удивления. Новости из королевского дворца

мигом проникают во все уголки города, а потом не менее стремительно, как чума, разлетаются по всему королевству.

– Да, граф Шампанский, – громом среди ясного неба прозвучал ответ королевы-матери.

Никто не издал ни звука, настолько все были ошеломлены. И ни один не решился задать вопрос. Всем стало ясно: коли это сказано, стало быть, так и есть. Причина этого – не их ума дело. Но уж, во всяком случае, не королева здесь виновна: надо совсем лишиться мозгов, чтобы рассориться с Шампанью, сильнее которой вассала нет.

– Самое страшное во всем этом то, – снова заговорила Бланка, – что мятежники легко могут перейти на сторону английского короля.

– Тот будет только рад этому, – в тон ей проговорил маршал де Монфор. – Надо полагать, он пообещает этим ренегатам вернуть их земли, которые отнял у них король Филипп, а заодно постарается отобрать у французской короны территории, ранее принадлежавшие Плантагенетам: Нормандию, Анжу, Турень, Овернь, Пуату. Таково положение дел, если только мы правильно понимаем ее величество, обеспокоенную надвигающейся со стороны баронов угрозой.

– В Европе нарастают волнения. Ее беспокоит стремительный рост французского королевства, – продолжала Бланка. – Было время, когда Европа, в пику растущей силе Плантагенета, всерьез опасалась его. Ныне она стала опасаться Франции, которую мой свекор сделал великой и могучей державой. И народы стали поддерживать английского короля. Им нужен баланс. Они не желают усиления ни той стороны, ни другой. Возможен новый альянс, как при Бувине: Плантагенет, его союзники и... наша знать. Кто же это? В первую очередь – те, кто готов перейти на ту или иную сторону в зависимости от того, откуда подует ветер с вихрями золотых монет и сколь велика будет его сила. Считаю этих людей недостойными правителями; смотрю на таких мужей, как на жалких псов, признающих лишь власть кнута, и объявляю им войну! Лижущий зад у льва шакал должен быть уничтожен! Вот откуда взял Иоанн силы. Вот где корни битвы при Бувине.

Советники молчали, восхищенные умом стоящей перед ними женщины. Они начинали понимать, что это не просто опекунаша, мать юного короля, супруга покойного Людовика. В их глазах королева Франции становилась мудрым государственным деятелем, правительницей королевства, за которое она готова биться до конца. Они смотрели на нее во все глаза и удивлялись. Им казалось, что она будет поступать сообразно их мнению, подчиняясь созданному ею же государственному аппарату. Однако выходило, что это она станет управлять ими, и им надлежит слушать и выполнять ее распоряжения, а не наоборот.

– Можно предположить, что бароны мечтают воздействовать на меня, как на высшую власть, – вновь заговорила Бланка. – Они полагают, по-видимому, что, коли я внучка Генриха Второго, мне ближе интересы Англии и им удастся веревки из меня вить? Они ошибаются. Мне чужда эта далекая туманная страна, пусть даже это родина моей матери. Я родилась в Кастилии, а замуж была выдана за французского короля, когда мне было всего двенадцать лет. При этом Англию ни до, ни после этого я и в глаза не видела, поэтому родиной своей считать не имею права и не стану отстаивать ее интересы. Моя семья во Франции. Другой родины у меня нет! И я буду защищать ее от посягательств любого врага, как внутреннего, так и внешнего. Вы, мои советники, как светские, так и духовные – моя верная опора. Вместе мы сломаем хребет мятежникам и не допустим Плантагенета на нашу землю.

– Bravo, ваше величество! – не выдержав, воскликнул коннетабль де Бурбон. – Воистину, мы слышим речь продолжателя дела славного короля Филиппа!

Его поддержал Жан де Нель:

– Мы все, здесь собравшиеся, клянемся быть верными вашими слугами, государыня!

– Церковь будет помогать вам, – молвил архиепископ Санса, обращаясь к Бланке, – ибо без союза со Святым престолом трудной окажется ваша борьба. В случае надобности он прибегнет к отлучению, а это весьма действенное средство, как показала практика многих лет.

Бланка подошла к архиепископу.

– Церковь всегда стояла на страже трона, была его союзником и защитником, так же как трон всегда был верным слугой Церкви и содействовал ее устремлениям и планам, направленным на укрепление мира и порядка на земле.

С этими словами она благоговейно приложилась губами к руке его преосвященства. Готье Корню осенил королеву-мать крестным знаменем.

– С нами Бог, дочь моя. Он поведет нас к победе.

– Я собрала вас затем, – обратилась Бланка ко всем присутствующим, – чтобы отдать приказ о выступлении. Мы идём на замок Шинон! Пусть маршалы немедленно собирают войско. Поход на гнездо мятежников начнём с рассветом.

– Значит, Шинон? – переспросил епископ Шартра. – Оттуда повеяло на престол ветром измены?

– Не будь я в этом уверена, мы по-прежнему ожидали бы вестей. Боюсь, они пришли бы с опозданием.

– Но как вы узнали? Кто рассказал вам, ваше величество? – спросил Герен. – Воистину, это добрый гений.

– Это тайна, Герен, – улыбнулась ему Бланка. – Я не имею права открыть ее даже вам, несмотря на то что свою жизнь вы отдали служению короне. И все же когда-нибудь, мой милый первый министр, быть может, даже очень скоро, я открою вам этот секрет.

Совещание кончилось. Маршалы бросились исполнять приказание главы государства.

Глава 8. Заговорщики

Огромный, величавый замок Шинон стоял на вершине холма; у подножья его несла свои воды Вьенна, левый приток Луары. Замок начал строить граф де Блуа, закончил Генрих Плантагенет. Филипп Август возвел Сторожевую и Псарную башни, подвалы которых занимала тюрьма. Меж замком и рекой – селение Шинон, со страхом взиравшее из долины на нависшего над ним грозного исполина. К востоку и запада от замка простираются густые леса. Граф Анжуйский приказал вырубить просеку для дороги, ведущей в Тур. Другого пути попасть в Шинон нет, только по реке. Шел, впрочем, еще тракт из Туара, но им почти никто не пользовался, и он обильно порос полукустарником и бурьяном.

В Тронном зале одной из башен, сильно вытянутой с северо-востока на юго-запад, собралась мятежная знать, та, что игнорировала похороны и бойкотировала коронацию. Этих вельмож могло бы быть гораздо больше, но решили пока что ограничиться небольшим числом. Необходимо прежде выработать программу, а уж потом собирать силы. Но вначале отвести душу – высказать все, что накопилось, что, по мнению собравшихся, глубоко несправедливо и ущемляет их интересы. Вот состав этого собрания или, выражаясь другими словами, «головы» готовящегося бунта.

Первый – граф Булонский Филипп Строптивый. Дядя юного короля. Высок, строен, благородные черты лица. Ему двадцать пять лет. Второй – герцог Бретонский Пьер Моклерк из рода графов де Дрё, правнук Людовика VI. Рост средний, шатен, тридцать пять лет. Третий – герцог Бургундский Гуго IV. Ему только четырнадцать. Он помолвлен с Иоландой де Дрё, дочь Рoberта III, графа де Дрё, а его сестра Жанна была замужем за Раулем де Лузиньяном. Следующий – граф де Дрё Роберт III. Все перечисленные лица, как уже стало понятно, связаны родственными узами. Сюда же причислим и Гуго де Лузиньяна, графа де Ла Марш. Кажется, после истории со своей невестой он должен бы жить в мире с Францией, но недавно он заключил с сыном Иоанна мирный договор. Увы, он питал ненависть к королеве-матери и не желал ей подчиняться. Шестой в этой компании – сир Ангерран де Куси. И седьмой – наш знакомый Тибо Шампанский. Семеро. Это главари. Мечтают править государством при юном короле. Желают навязать ему свою волю, признавая за ним все же верховную власть. В случае неповиновения готовы свергнуть правительство: Людовика заключить в замок, испанку – выгнать.

– Поздновато, – констатировал Моклерк. – Дождались... Нельзя было допускать коронации! Я же говорил, надо взять юнца в плен!

– Она обхитрила нас всех, – поддержал его Лузиньян. – Две недели на сборы! Где это видано, чтобы за такое короткое время собрать в Реймс всех знатных людей королевства! Ее гонец добирался до меня почти десять дней. Да будь у меня самая быстрая лошадь, я и то не успел бы. А они с архиепископом знали, что делают.

– Они торопились, боясь, что не успеют перейти по дну моря, как волны сомкнутся над их головами, – сказал де Куси. – Они спешили, потому что права на престол мог предъявить граф Булонский, сводный брат умершего короля.

– Им важно было, чтобы мальчик как можно скорее стал настоящим королем, – отозвался тот, о котором только что говорил де Куси. – Теперь отобрать у него трон невозможно. А самое главное – это положило конец междуцарствию, которое продлилось всего три недели, если считать со дня смерти Людовика Восьмого. Теперь его сын миропомазан!

– Капеллинги еще не столь сильны, чтобы знатным людям не попытаться оказать давление на юного короля, – снова подал голос де Куси, – на него и его окружение. Для этого надо стянуть силы и двинуться на Париж!

– Согласен с этим! – воскликнул граф Роберт. – Увы, ваше высочество, – обратился он к Строптивому, – но вам уже не стать королем. Миропомазание, как известно, не может совер-

шаться два раза в году. Но нам нельзя сидеть сложа руки. Необходимо действовать! Королевством должна управлять знать, а не мальчик, окруженный иностранкой и шестидесятилетними стариками. Их время прошло, им пора на покой! Они сделали все, что смогли. Теперь наша очередь!

На этом собрании присутствовала женщина, мать герцога Бургундского. Решив, что пора и ей вставить свое веское слово, она резко поднялась с места.

– Все вы только и умеете, что молотить воздух языками. Нынче самое благоприятное время для выступления на Париж: король юн, власть трона слаба, армия в наших руках, поскольку значительная ее часть – солдаты Шампани и Блуа. Вам, граф, – обратилась она к Тибо, – так как вы теперь с нами, полагаю, пришла пора перестать петь песни и сочинять мадригалы в честь дамы своего сердца. Вспомните, как ответила испанка на вашу любовь. Мало того что она откровенно смеялась над вами, она еще велела закрыть ворота Реймса, чтобы не видеть вас на коронации. Хороша любовь, нечего сказать! А ведь вы уверяли всех, что испанка ценит вас как своего самого близкого друга и верного союзника. На деле это оказалось пустословием. Ей доставляло удовольствие, что вы валяетесь у ее ног. Еще бы, ей скоро сорок. Кому нужна такая перезрелая дыня?

– Замолчите, мадам, прошу вас! – побагровел Тибо.

– Пусть наслаждается обществом кардинала Сент-Анжа, – продолжала издеваться над поэтом Алиса де Вержи. – Ему уже под пятьдесят! Клянусь мощами святого Франциска – неплохой дуэт! А вам, такому могущественному и нестарому еще сеньору, давно пора поменять безобразную черноволосую старуху на юную Афродиту с золотистыми волосами.

– Нет, матушка, отчего же, – неожиданно стал на защиту королевы-матери молодой Гуго. – Вы несправедливы. Королева Бланка Кастильская, на мой взгляд, очень хороша собой, и я одобряю выбор графа Шампанского. Будь я постарше, наверное, я тоже мог бы влюбиться...

– Что вы понимаете, Гуго! – прикрикнула на сына мать. – Вы еще слишком юны, чтобы рассуждать о женщинах. Вам пока что не понять силы их привлекательности и степени их коварства.

Юноша обиженно отвернулся, поднял глаза на Тибо. Тот в ответ тонко и невесело улыбнулся.

– И не смейте защищать ту, которая обманула нас всех, взяв власть в свои руки, – прибавила герцогиня де Вержи.

Сын, не желая сдаваться, ответил:

– Может быть, как раз в этих руках королевство и сохранит былой авторитет и могущество?

Герцогиня захлопала глазами. Тут ее всерьез понесло:

– Эти руки ни на что не способны и никуда не годны. Она только и знает, что плодит мертвецов. Ее родина – Кастилия. Что ей Франция! Она вынуждена была стать королевой. Кто может поручиться, что за спинами своих советников она не предает интересы королевства в угоду своей испанской родне или Святому престолу? Недаром она сразу же захватила власть. И не подослала ли она отравителя к своему мужу, чтобы избавиться от него и править самой? Об этом вы не подумали, Гуго? Испанцы злы, мстительны, властолюбивы, знайте об этом.

– Не пойму, отчего вы так ополчились на королевскую власть и на Бланку Кастильскую, – продолжал пожимать плечами сын. – Ведь, в сущности, она не сделала ни вам лично, ни нашему герцогству ничего плохого. Напротив, королевская власть даже и не пыталась никогда посягнуть на нашу территорию.

– Она сделала это применительно к семейству де Дрё, с которым мы в родстве. Надеюсь, вы не забыли, сын мой, что ваша невеста с недавнего времени – Иоланда де Дрё, дочь сира Роберта, владения которого корона неуклонно прибирает к своим рукам.

Гуго бросил сочувственный взгляд на графа Роберта и опустил голову.

– Можете ли вы с уверенностью сказать, – не унималась Алиса де Вержи, – что король Людовик Девятый, по достижении им совершеннолетия не предпримет наступательных действий в направлении Бургундии, как сделали это до него по отношению к другим землям его отец и дед?

Юноша молчал. Что он мог возразить матери? Она опытнее, дальновиднее и разобьет его в любом споре. Он еще недостаточно зрел, чтобы понять, где она права, а где нет.

– Не забывай к тому же, сын, что мы тоже Капетинги, – все не успокаивалась мать. – Наш род ведет свое начало от Роберта Благочестивого. Вот почему мы с тобой здесь.

Гуго тяжело вздохнул в ответ.

– Так что же, не пора ли собирать войско? – вопросительно оглядела герцогиня собравшихся. – Третий день уже мы сидим в Шиноне. Довольно! Не опередила бы нас испанка. Что, если она движется сюда, собираясь захватить нас врасплох и упрятать в своей проклятой Луврской тюрьме?

– Вряд ли это возможно, – махнул рукой Филипп Строптивый. – Откуда ей знать, где мы?

– Да и кто мог бы ей сказать о нашем собрании? – поддержал его Пьер Моклерк. – Ни среди нас, ни в нашей армии шпионов нет. Пусть себе наслаждается мгновениями власти, недолго уже ей осталось.

– В лучшем случае она будет следовать нашим советам, – высказался граф Оверни, – в худшем – уедет в свою Кастилию... или сгинет в монастыре. Вспомним Филиппа Августа. Ловко он спровадил в келью свою женушку, с которой даже не переспал. Та целых двадцать лет скиталась по тюрьмам королевства. Не отправить ли и нам иностранку в такое же путешествие?

– По мне так пусть остается, – возразил ему Филипп Юрпель (Строптивый). – В самом деле, чем вы недовольны, граф? Тем, что она не пожелала видеть вас среди членов Королевского совета? Но, черт возьми, она права! Невозможно усадить за стол всю знать.

– Да, но вы-то тоже оказались за бортом, – огрызнулся граф Оверньский. – Однако не потому ли вы вдруг стали защищать испанку, что приходите к дяде юному королю? Клянусь, тем больше прав у вас, чем у кого бы то ни было, стать первым советником в правительстве! Впрочем, вас и без того не оставят без внимания: как близкого родственника королевского семейства вас, можно не сомневаться, щедро одарят замками и землями. Неплохой способ заткнуть рот такому медведю.

– Опомнитесь, граф, вы все же разговариваете с братом покойного короля! – осадил оратора Пьер Моклерк.

– С бастардом, хотите вы сказать, – искоса взглянул на него Строптивый.

– Не стройте из себя отверженного, всем известно решение Папы Иннокентия узаконить брак Филиппа Августа с вашей матерью.

Лица побагровели. Назревала ссора. Этого еще только не хватало!

– Черт вас возьми, господа, кто мне ответит на вопрос, для чего мы здесь собрались? – вспылила Алиса де Вержи, стукнув ладонью по подлокотнику кресла. – Чтобы разбирать родословную графа Булонского или оспаривать решение покойного Папы Иннокентия? Честное слово, меня удивляет это собрание! Вместо того чтобы быстро и четко выработать план будущей кампании, мы перемалываем друг другу кости. А может быть, среди нас вообще нет недовольных? Может, мы собрались здесь, чтобы посудачить о том о сем, да и разойтись? Выходит, ничего не стоит предпринимать, а надо лишь подчиняться иностранке, следуя решениям, которые будет принимать она?

– Нет, – горячо возразил граф де Ла Марш, – она должна действовать согласно нашим советам, ибо мы вассалы короны! Мы – знать, на которую должна опираться королевская власть, как столешница на свои ножки.

– Что она без нас? – поддержал Лузиньяна герцог Бретонский. – Плантагенет пойдет на нее войной, а она без нашей помощи не сможет даже собрать войско. Мы не пойдем защищать женщину, которая отказалась от наших услуг.

– Вы что же, мечтали присутствовать на королевских заседаниях? – бросил на него недовольный взгляд Тибо Шампанский. – Полагаете, она не сможет обойтись без ваших советов? Она права – выбрала тех, кто остался после свекра и мужа. Не будь этих, она нашла бы других. Не уверен, что вы оказались бы в их числе.

– Уж не собираетесь ли вы, Тибо, защищать испанку? – суженными глазами поглядел на него Лузиньян. – Ну еще бы, ведь она дама вашего сердца! Какого черта тогда вы выразили желание присоединиться к нам? Ваше место у ног испанки, которая с удовольствием продолжит слушать ваши любовные стишки.

Тибо бросился на обидчика и врезал ему в челюсть. Тот пошатнулся, потом замахнулся и нанес противнику удар в грудь. Оба сцепились, повалились на пол и принялись колотить друг друга.

– Прекратите немедленно! – закричала Алиса де Вержи. – Черт знает во что превращается наше собрание!

Драчунов разняли, развели в разные стороны.

– Чего вы набросились на него? – гневно спросила герцогиня у Тибо. – Все знают, что вы были любовником королевы.

– Прежде всего, мадам, – не слишком-то любезно ответил ей Тибо, – этот факт никем не установлен и не доказан. Второе: никто не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь, разбирая мои поступки. И третье. Я здесь потому, что королева Бланка нанесла мне обиду, которую я не намерен ей прощать, однако я никому не позволю отозваться дурно о женщине, тем более о даме моего сердца, пусть даже оно и разбито ею. Прошу всех присутствующих уяснить себе это. В противном случае я готов вызвать на поединок любого, пешим или конным, и мы будем биться насмерть! Я, граф Тибо Шампанский, все сказал.

– Ну, ну, успокойтесь, – примирительно сказала Алиса де Вержи, – никто не собирается оскорблять вашу бывшую даму сердца. Не хватало нам тут всем передрасться. А вы, Лузиньян, тоже хороши! Кто дергал вас за язык? Или вы полагаете, законы рыцарской чести канули в Лету? Что же до королевы-матери, – обратилась она к присутствующим, – то она, безусловно, не простит тем, кто не приехал на коронацию. И никогда не назначит их своими советниками. Отныне они – ее враги. Все же они остаются слугами короны, которым она сможет приказывать как сюзерен своему вассалу.

– А я не желаю покоряться! – грубо оборвал герцогиню Бургундскую герцог Бретонский. – Она иностранка! Никогда во Франции вассал не подчинялся женщине!

– Вы будете подчиняться решениям Королевского совета.

– Руководить которым будет она! Вас это должно устраивать. Ну еще бы, от вашей территории корона не урезала себе ни арпана земли.

– Как вы смеете, Моклерк? – кинул на него злой взгляд молодой Гуго. – Я запрещаю вам так разговаривать с моей матерью!

Моклерк не обратил на него никакого внимания и продолжал:

– Либо я войду в совет, либо она не смеет мне приказывать! Бретань всегда была самостоятельным герцогством, а то, что моя родословная идет от Капетингов, не дает права опекунам считать меня своим вассалом.

– Уж не собираетесь ли вы предоставить это право Генриху Третьему? – съязвила герцогиня. – Браво: Капетинг на службе у Плантагенета! Меньше чем предательством интересов Франции это не назовешь.

– Успокойтесь, мадам! Что это вам взбрело в голову считать меня предателем? Разве был для этого повод?

– Приказываю всем замолчать! – властным голосом воскликнул Филипп Строптивый. – Наше собрание превратилось в балаган. Мы здесь не для того, чтобы выяснять отношения друг с другом. Мы все объединены одним желанием – отомстить короне за наши унижения, которым мы подверглись при Филиппе и Людовике, за наши земли, которые оба этих монарха прибрали к своим рукам. Надлежит немедленно собирать войско. Возглавив его, мы пойдем на Париж! Если удастся, захватим юного короля. Нам поможет граф Тулузский; он за нас: слишком много крови пролито Севером на Юге. Все это надлежит исполнить как можно скорее, пока еще не поздно и власть не оправилась от потрясения, вызванного междуцарствием. Повторяю: пока еще не поздно!..

– Кажется, уже поздно, – упавшим голосом проговорил Лузиньян, указывая рукой на дверь.

В коридоре слышался шум: торопливый топот ног, возбужденные голоса. Кто-то бежал по коридору, приближаясь к Тронному залу. Остановился. Двери широко раскрылись. На пороге стоял, возбужденный, рыцарь из свиты графа Булонского. Филипп, привстав со скамьи, удивленно воззрился на него.

– В чем дело, Гастон? Отчего в замке шум? Что происходит?

– Королевское войско, монсеньор! – с трудом отдышавшись, вымолвил графский конюший.

– Как!.. Где?.. Откуда? – вскричал Строптивый.

– Оно окружило замок. Сотни, тысячи рыцарей! Катапульты, таран... Они требуют открыть ворота замка, иначе пойдут на приступ.

– Кто требует?!

– Королева-мать Бланка Кастильская.

Все, как по команде, бросились к окнам. Растворив их, уставились вниз, застывшие, онемевшие, пораженные. У стен замка стояла королевская рать. Перед воротами – осадные орудия, в руках у пехоты – штурмовые лестницы, за пехотой – лучники, за ними – несметное число рыцарей; передние держат в руках развевающиеся на ветру штандарты с желтыми лилиями на синем фоне. Перед воротами, за осадными орудиями – королева-мать в окружении маршалов. На ней корона, поверх одежды кольчуга. Своей свите она указывает рукой в сторону ворот. Маршалы дают знак. Ко рву подтягиваются новые силы. Воины под прикрытием больших деревянных щитов – стрелы осажденных не смогут причинить людям вреда.

– Досиделись! Дождались! – выкрикивал герцог Бретонский, бегая по залу и размахивая руками. – Еще на прошлой неделе надо было выступать! Всему виной вы, Тибо! Где вас черти носили, ведь целых полмесяца прошло, как к вам прибыл гонец!

– Я задержался в пути. Ударили страшные морозы. Мне пришлось переждать в Орлеане.

– А испанка в это время уже отправилась за вами следом. Кто-то ее предупредил, что вы направляетесь в Шинон. Это был предатель. Кто он? Один из ваших слуг?

– Это исключено. В комнате не было никого, кроме меня и посланца. Он прибыл вечером. Утром мы с ним выехали из замка.

– Как же она узнала?..

– Не хотите ли вы сказать, что это я предупредил королеву, а заодно посоветовал ей поторопиться, дабы застать мятежников тепленьким в их постелях?

– Перестаньте! – воскликнула Алиса де Вержи. – Ни к чему злословить. Дело проиграно, еще не начавшись. Мы в лапах у иностранки. И лучше сдаться добровольно, нежели бесславно погибнуть.

– Погибнуть? – не поверил своим ушам де Куси. – Вы считаете, она способна посягнуть на жизнь знатных людей королевства, больше половины которых занимают определенное место в генеалогическом древе Капетингов?

– Будет битва. В замке всего двести воинов, из них сорок рыцарей. Шансов на победу никаких. Она не станет брать пленных, она просто убьет нас.

– Она не посмеет, матушка. Бургундия – крупное герцогство, один из сильнейших васалов короны.

– Вот почему и не стоит нам ссориться с королевской властью, мой мальчик. Герцог Бретонский прав: корона не посягает на наши земли. А потому самым правильным будет нам с тобой удалиться отсюда: ни к чему мозолить глаза опекунше. Мы укроемся в подвале.

– Еще хуже будет, если вас там найдут, – отрывисто бросил де Кузи.

– Ей достаточно будет и всех вас. Поиски она устраивать не станет, если, конечно, у кого-то не развяжется язык и если вы благоразумно не покинете этого зала. Идем, Гуго, кастелян замка укроет нас с тобой. Вам же всем советую не испытывать терпение вдовствующей королевы и приказать открыть ворота. Чем скорее это будет сделано, тем милостивее окажется победитель к побежденному. Но помните: наше время еще придет.

С этими словами мать с сыном удалились.

– Пусть откроют ворота, – махнул Филипп Строптивый Гастону и прибавил угасающим голосом, уже ни к кому, в частности, не обращаясь: – Это и в самом деле будет наилучшим, что нам остается сделать, если мы хотим вымолить себе прощение.

И оглядел собравшихся. Ни один не проронил ни слова.

Глава 9. Бескровная победа

Бланка вошла в Тронный зал – стремительно, раздувая ноздри – и бросила пронзительный взгляд на столпившуюся у окна мятежную знать. Вот они, бунтари! Они никогда не смогут примириться с королевской властью. Им невозможно угодить. У них всегда найдутся претензии. Смотрят с удивлением, некоторые с ненавистью и со страхом. Они знают, что она простит их на первый раз, – нельзя иначе, все же вассалы короны, – но запомнит всех по именам. Отныне она будет относиться к ним с опаской, не доверяя, но все же полагаясь на верность каждого из них в борьбе с Англией.

Взгляд Бланки, скользнув по лицам, остановился на Тибо. Она слегка вздрогнула, хотя и знала, что увидит его. Ее воздыхатель! Поэт и певец, тот, кого в Шампани называют «принцем труверов». Тот, кто в нее влюблен. Да, был... Сейчас стоит и смотрит на нее пока что бесстрастно, не отводя глаз, в которых читается укор. С ним потом. Он последний. А сейчас суд, скорый и справедливый, в присутствии ее маршалов и членов совета.

– Граф Булонский Филипп! – Бланка бросила строгий взгляд на дядю юного Людовика. – Вы, насколько я понимаю, претендуете на трон. Предъявите ваши основания. Я хочу их слышать.

Обвинение было серьезным, положение – щекотливым. Королевская власть – это нечто святое, ее признавали все. Она от Бога. Строптивому предстояло как-то выкрутиться.

– Возведение на трон вашего отпрыска незаконно! – громко объявил он. – Я такой же сын Филиппа Августа, как и ваш покойный супруг. Папа Иннокентий узаконил брак моего отца...

– Это мне известно, – нетерпеливо перебила Бланка.

– Случилось это в одна тысяча двухсотом году, когда вы, мадам, двенадцатилетней девочкой прибыли на землю Франции из Кастилии. Поэтому престол по закону должен был достаться другому сыну короля Филиппа, то есть мне.

В общем-то, Филипп Юрпель был прав, Бланка понимала это. Он такой же кандидат в монархи, как и ее Людовик, которому, несмотря на то что он старший среди детей, еще не гарантировано право на престол. Избрание монарха происходило на собрании всех знатных людей королевства. Ошибка Людовика VIII была в том, что он, следуя примеру отца, при жизни не короновал сына. Лишь после XIII столетия королем автоматически становился старший сын почившего государя. Ныне же время это еще не пришло. Граф Булонский был прав: королева-мать обманула их всех. Мигом став вместо обвинителя обвиняемой, она теперь думала, что ей ответить. Любые ее доводы и отговорки были бы тотчас же отменены. Ей предстояло из ответчицы стать судьей, ибо она королева, и не след вассалу указывать ей на правильность ее решений. Именно с этих позиций предстояло ей перейти в наступление. Несколько мгновений понадобилось ей для того, чтобы понять, что она должна сказать, как заткнуть рот этому и в самом деле строптивому сыну Филиппа Августа. У нее были два козыря. Всего два, но сильных. Их не побить ни одной карте. Пусть в дальнейшем в жилах этого мятежного графа вновь закипит царственная кровь, но в этот раз она нанесет ему сокрушительный удар обоими козырями сразу. Тот и другой – в руках Церкви. Этот гигант поможет ей свалить зарвавшегося и непокорного бретонского графа.

Бланка бросила быстрый и выразительный взгляд на легата, кардинала Сент-Анжа. Он послан Папой, чтобы помогать ей. Поймав ее взгляд, кардинал сразу же все понял. Женщина, которую он обожал, попала в беду. Но он выручит ее. С Церковью шутки плохи. Святой престол придет на помощь вдовствующей королеве Франции. И он прикрыл глаза, едва заметно кивнув при этом. Бланка поняла, что спасена. Однако начать все же следовало ей. Удар должен быть нанесен с двух сторон.

И она бросила свой первый козырь, тот, что дал ей в руки архиепископ Санса.

– Такова была воля короля, – твердо и решительно ответила она. – Он пожелал, чтобы его сын был тотчас же коронован, все слышали это и вы тоже. Я повторяю: тотчас же! Опеку над несовершеннолетним Людовиком умирающий монарх доверил его матери, королеве Франции Бланке Кастильской. Документ, подтверждающий это, огласил его преосвященство архиепископ Санса в присутствии всех знатных людей королевства. Воля умирающего монарха священна! Для вас это новость, граф Булонский? Устами помазанника Божьего глаголет сам Господь Бог с высоты небес! Не собираетесь ли вы оспаривать решение Вседержителя? Если так, то не богохульство ли это?

Удар был нанесен. Филипп Строптивный почувствовал его. О, испанка умеет бить. Уроки правления, усвоенные ею при свекре и муже, не прошли бесследно. Проклятый документ! Откуда он взялся? Но теперь надо как-то ответить, причем не с позиций бунтаря. Она все предусмотрела, его голос возмущения уже ничего не даст. Кажется, придется смириться. Испанка же, помня о его высоком происхождении и во избежание дальнейшей смуты, должна пожаловать ему замки, земли. Коли так, он по достоинству оценит ее гибкий ум и – не лучшим ли это будет решением? – изъявит покорность короне. А сейчас – только бы не вмешался легат. Стоит, хмуро глядит на него. Если он напишет Папе, тот обрушит громы и молнии на непокорное Булонское графство.

Кардинал не забыл просящего взгляда вдовствующей королевы и изрек с высоты господствующего положения Святой церкви:

– Волю миропомазанного государя не в силах ни отменить, ни изменить ни один смертный. Она священна! Король избран Богом, и горе тому, кто смеет выказывать непокорность, ибо монарх – это щит государства, заслоняющий свой народ от пришествия дьявола и его сатанинского окружения! Король – посредник между Богом и человеком, ибо помазан священным миром! Восставший против власти короля восстает против Бога! Коли он не раскается в своих прегрешениях, то душа его, невзирая на исповедь, минуя чистилище попадет в ад и примет там муки неслыханные, варясь живьем в котле адовом. Покайся тотчас же в своих грехах, граф Булонский, не то, клянусь распятием на груди Пречистой Девы, дьявол придет за тобой и унесет твою душу в пекло под ликующие завывания всех чертей преисподней!

Это был второй удар. Другого уже не требуется. Церковь вознамерилась покарать его! Есть ли наказание ужаснее?! Последний шаг остался Строптивому – повиниться. Не сделает этого – легат подвергнет его отлучению. Вот когда воистину наступит конец всем честолюбивым планам, мало того, отвернутся родственники, друзья, его подданные! Булонь поднимется против него!

Не раздумывая больше, правитель Булони пал перед легатом на колени.

– Ваше преосвященство, прошу простить мне мои прегрешения перед Церковью и властью монарха.

Он взял протянутый ему требник с выгравированным на нем распятием, поцеловал и трепетно прижал к груди.

– Пусть кара небесная обрушится на мою голову, коли посмею впредь выступить с оружием в руках или по-иному против власти государя, дарованной ему Богом!

– Принесите клятву!

– Клянусь! – И граф, вытянув вперед требник, который держал обеими руками, низко склонил перед ним голову.

Легат, милостиво кивнув, осенил крестом раскаявшегося грешника.

– Встаньте с колен, сын мой. Церковь милостива к своим послушным детям, но непримирима к тем, кто посмеет нарушить данное ей слово.

Граф поднялся. Но легат не собирался так просто отпускать его и продолжал:

– Перед тобой королева, милостью Божьей призванная управлять государством по достижении своим сыном совершеннолетия. Злой умысел таил ты в душе, граф, против той, кто в

деле опекуна над избранником Божиим сродни Святой Деве. Признаешь ли ты в этом свою вину?

– Признаю, святой отец.

– Коли так, проси прощения коленопреклоненно у той, что в глазах людей подобна Святой Деве Марии, ибо молодого короля опекает, сына своего, посланника Божьего!

Филипп сделал шаг, другой, встал напротив Бланки и смело посмотрел ей в глаза. Нет, он не пал низко, ибо перед любой женщиной низко пасть не может ничто. Он просто понял, что проиграл, и с достоинством принял поражение. Но как знать, думалось ему при этом, не лучше ли так, нежели томиться в тюрьме, как Рено, или кончить жизнь на плахе по обвинению в государственной измене?

Он ждал, зная, что Бланка, женщина умная, непременно что-нибудь скажет ему. Он не хотел раскрывать рта раньше ее. Ему хотелось только ответить на ее слова. И он услышал:

– Я готова забыть, граф, это маленькое недоразумение и поверить в то, что некие безрассудные головы попросту принудили вас выказать неповиновение королевской власти. Похоже, вы забыли, что она от Бога. Коли вы клянетесь не поступать впредь подобным образом и принесете присягу верности молодому королю, то власть сумеет словом и делом дать понять графу Булонскому, что она высоко чтит его и помнит о его принадлежности к правящему дому Капетингов. Правительство выражает уверенность, что в будущем оно не будет иметь повода уличить Филиппа Булонского в измене. Напротив, оно вправе надеяться, что наш дражайший родственник немедленно же придет ему на помощь, коли королевству станет угрожать враг. В подтверждение того, что король прощает графу его временные заблуждения, он дарит ему замки Мортен и Лильбонн – бывшие владения своего покойного отца.

– Отныне я весь и всё, что в моей власти, – к вашим услугам, государыня! – с поклоном ответил Филипп и, склонившись, припал губами к руке королевы.

– Сытая собака гавкает тихо, – прошептал один мятежник на ухо другому.

– Умерла щука, но остались ее зубы, – так же тихо ответил тот.

А Тибо... Несчастный поэт! Все это время он не сводил глаз с дамы своего сердца. Он наблюдал за движениями ее рук, поворотом головы, за ее манерой говорить, за ее губами, глазами, прекрасным лицом! Он упивался всем этим, глядя на женщину, которую не переставал любить, и чувствовал, – чем больше он любит ее, тем сильнее его любовь. Он знал, что не полюбит так страстно уже никого, потому что не было для него прекраснее женщины на свете. Но он не мог простить ей Реймса. Почему она так с ним? За что? Этого он не понимал и теперь мучился, терзаемый своей любовью и вопросом, на который не мог найти ответа. Одно он знал твердо: если она признает свою вину за тот случай в Реймсе, он упадет к ее ногам и не встанет, пока она не протянет к нему свои прекрасные, божественные руки.

Тем временем остальные участники неудавшегося мятежа, наблюдая разительную метаморфозу с графом Булонским, не стали утруждать себя предъявлением каких бы то ни было обвинений в адрес вдовствующей королевы. Ее оберегала Церковь, Святой престол! Шутить с этим не следовало. Да и понятно стало всем, что правительство вверило бразды правления ей. Воспрепятствовать этому было уже невозможно.

Бланка называла каждого по имени, просила сказать, в чем ее обвиняют. Но никто уже не хотел вступать в конфронтацию с королевской властью и, главное, со Святым престолом. Рядом с испанкой кардинал. Они приехали вместе. Он теперь всегда подле нее. Бильжо охранял Бланку своим мечом, кардинал – словом Божиим. Вот он стоит и внимательно смотрит на них всех и на каждого в отдельности. Никому не хотелось вызывать на себя гнев легата. Выставить себя явным врагом королевства – себе же во вред. И все торопливо, елейными голосками, будто и не существовало никакого заговора, стали уверять вдовствующую королеву в том, что не замыслили ничего худого ни против юного короля, ни, тем более, против матери-Церкви.

Настала очередь Тибо. Он оставался последним. Волновались оба, но она – сама не зная почему. Вероятно, вспоминалось, как, полулежа близ ее ног, он пел ей свои песни. И вот теперь вместо влюбленного трувера, он – мятежник. И где? В Шиноне. В обществе тех, кто ее оклеветал.

Он подошел – медленно, тихо, не сводя с нее глаз. Она смотрела на него молча, без злобы, даже ласково, – величавая, гордая, красивая, как Клеопатра, и недоступная, как царица Небесная. И понял Тибо в эти короткие мгновения, когда стоял перед ней, что нет ему в жизни другой радости, кроме как беспрестанно клясться в любви этой женщине, смотреть в ее дивные, широко распахнутые глаза, целовать ее белые руки и петь ей о своей любви. Но черной тенью застилало прекрасное видение перед ним сцена в Реймсе. Как она могла?.. Ведь он любит ее, и он спешил к ней!.. А она с ним так обошлась.

Бланка без труда прочла в его глазах то, о чем он думал в эти минуты, и сказала ему, мягко, без упрека:

– Граф, зачем же вы собирались выступить против меня? Что сделала я вам плохого?

Он ответил ей словами тени, которая продолжала стоять между ними, бросая на даму его сердца мрачные блики:

– Вы не пустили меня на коронацию. Вы подговорили народ, и он выгнал меня из города. А я так торопился, желая увидеть вас в блистающих нарядах, в золоте и серебре, озаренную пламенем тысячи свечей!..

– Тибо, – сказала она, обращаясь к нему не по титулу, а как к другу, – вы стали жертвой злого навета. Я знаю, что вы спешили во дворец. Вы ехали ко мне, но вам преградили дорогу. Слушайте же меня внимательно, мой храбрый рыцарь. Меня оклеветали. Клянусь вам образом Пречистой Девы Марии и сына ее Иисуса Христа, что я не отдавала такого приказа! Клянусь вторично, что я ждала вас и была искренне огорчена, не увидев вас на церемонии коронации. Клянусь вам также в том, что я... Боже праведный, каких еще клятв вам надобно...

Тибо упал на колени. Он все понял. Он смотрел на нее глазами, полными любви, и из них одна за другой катились по его щекам горячие слезы.

– Ваше величество... Моя королева!.. О, простите, простите же меня за то, что я посмел усомниться в ваших нежных чувствах ко мне! – пылко воскликнул он. – Я был введен в заблуждение. Ведь мне сказали, что вы не хотели меня видеть. Теперь я понял, как ошибался. Отныне я ваш самый верный слуга! Приказывайте, повелевайте мною! Я же, в свою очередь, клянусь, что никогда больше не выступлю против вас и буду вашим самым преданным вассалом! Все, что у меня есть, – все ваше! Вам стоит только захотеть, и я положу к вашим ногам всю Шампань!

Бланка улыбалась. Сердце ее пело. От любви? Она не стала бы это категорично утверждать. Оно пело оттого, что тень отчуждения между ними исчезла, испарилась, изгнанная прочь ярким лучом солнца, выглянувшего из-за туч. Она была всего лишь женщиной, и ей нравилось, что у нее есть рыцарь, о котором столько говорят и по которому сохнут дамские сердца в королевском дворце. Она немолода, в два раза старше любой из ее фрейлин, и ее женскому самолюбию льстило, что в нее влюблен такой красавец-мужчина! К тому же он самый крупный и отныне самый преданный из ее вассалов.

Бланка ликовала оттого, что победила. Она была рада, что отныне Тибо вновь становился ей другом. Она медленно поднялась с кресла и увидела, что он хочет поцеловать ей руку, но не решается, не имея на это ее дозволения. И она, не гася улыбки, протянула ему свою руку. Тибо, совсем потеряв голову от любви, припал к ней жарким поцелуем.

Бывшие мятежники переглянулись. Целовать руку королеве могли лишь двое: супруг и ее фаворит. В те времена говорили просто – любимчик. Теперь Тибо для них недосягаем. Впрочем, мыслям о мятеже уже не место в их головах. Надолго ли? А пока – но это уже на другой

день – разбитая в пух и прах коалиция принесла вдовствующей королеве Бланке Кастильской клятву верности в письменном виде...

Они ехали обратно впереди войска, вдвоем, рука об руку – Тибо и Бланка. Не сводя глаз с дамы своего сердца, граф Шампанский читал ей свои новые стихи, а она с улыбкой слушала его, одаривая нежными взглядами.

Глава 10. Его преосвященство кардинал де Сент-Анж

Ферран Фландрский, или Португальский (он был сыном португальского короля Санчо I), когда-то предавший Филиппа Августа и отсидевший за это двенадцать лет в Луврской тюрьме, был наконец освобожден. Новость облетела вассальные княжества, и знать заторопилась в Париж поздравить бывшего узника с освобождением. Цель при этом преследовалась иная: смирившиеся, но не успокоившиеся на этом мятежники рассчитывали пополнить свои ряды еще одним недовольным.

Однако раньше всех весть дошла до Агнессы де Боже, и она тотчас, уже вполне легально, помчалась в Париж. Ферран был мужем Жанны; та, в свою очередь, приходилась Агнессе двоюродной сестрой. Обе – внучки Бодуэна IX, графа Фландрии и Эно. Агнесса, таким образом, приходилась свояченицей Феррану, а он ей – двоюродным зятем. Кстати, чтобы уж до конца вылезти из этих дебрей, надо напомнить: Людовик VIII – шурин Тибо Шампанского, Тибо, соответственно, – его зять; Людовик IX – двоюродный племянник Агнессы, а Ферран и Тибо – свояки.

Такая вот родословная. Не очень, правда, запутанная. Есть и более сложные лабиринты родственных связей.

Оба, бывший узник и супруга Тибо, надо сказать, были дружны. Агнесса родилась в сеньории Боже, но часто бывала с матерью в графстве Эно, на родине Сибиллы. Там она, будучи еще девочкой, подружилась с Ферраном; он брал ее с собой на охоту, на прогулку, на рыбную ловлю, а вечерами рассказывал ей о борьбе христиан с маврами на Пиренейском полуострове, о добром волшебнике Мерлине, о короле Артуре. Позднее, узнав о пленении своего зятя, Агнесса регулярно навещала его в Луврской башне, делясь с ним новостями. Уже будучи замужем, Агнесса тем не менее не забывала своего родственника. Ферран же с восхищением смотрел на молодую свояченицу и чувствовал, как его все сильнее влечет к ней, такой обаятельной, миловидной, приветливой, совсем не похожей на свою кузину Жанну. Они не виделись уже около года, и Ферран с нетерпением ждал того часа, когда увидит наконец «крошку Агнес». Так он ее ласково называл прежде, еще не зная, что очень скоро родственные чувства сменятся глубокой привязанностью, граничащей с обожанием.

Но Агнесса ничего этого не замечала, а может, не хотела замечать. Ферран был для нее просто родственником, кем-то вроде брата или дяди, но отнюдь не объектом любви. В этом плане ее интересовал лишь один мужчина. Конечно же, не муж. Его звали Бильжо. Придворные называли его Цербером. Такого бы Юлию Цезарю. Бруту явно не поздоровилось бы, когда он бросился на императора с кинжалом. Сегодня Агнесса увидела верного стража королевы в третий раз. С каждым разом она не переставала восхищаться этим стройным, пригожим молодым человеком с лицом сфинкса и всегда при оружии. Она хотела узнать о нем у королевы-матери, но такая возможность все никак не предоставлялась. Сегодня тоже. Агнесса вошла в покои Бланки и сразу же поймала на себе взгляд Бильжо. Довольно скоро из настороженного он стал обычным, ничего не выражающим, но глаза все же держали в поле зрения каждого из трех человек, с которыми вела беседу регентша. (Будем уж потихоньку, между нами, втайне от всех, изредка называть ее этим словом, ибо таковой и в самом деле являлась Бланка Кастильская.)

Эти трое – Агнесса, Ферран и легат, кардинал Сент-Анж. В последнее время папский посланец зачастил в королевские апартаменты. Надо и не надо – он всегда был рядом, довольно умело отваживая назойливых посетителей и нередко досаждая королеве-матери цитированием священных текстов. И все же он был хорошим советником. Но самое главное – с ней рядом всегда находился представитель Святого престола, которого боялись: чуть что не по его – обрушит на голову громы и молнии. И это в лучшем случае.

Однако святостью и делами веры не прикроешь глаза ни себе, ни людям. А они у кардинала всегда алчно загорались, как только он глядел на женщину, которой, повинувшись приказанию Папы, обязан был всячески помогать как в деле подавления ереси, так и защищая ее крестом и словом Божьим от мятежных баронов. Службу эту вдвое усиливало – напомним об этом еще раз – влечение кардинала к вдовствующей королеве как к женщине. Он был вовсе не стар (всего-то сорок лет) и не давал никаких обетов, тем более не обременял себя такой чертовщиной, как умерщвление плоти. Что же удивительного в его похотливом желании, таком же, как и у Тибо? И кардинал, всегда настроенно относившийся к Шампани, видел в ней или непримиримого врага, если граф уходил к мятежникам, или вассала, которому не очень-то стоило доверять, когда он возвращался к даме своего сердца.

– Мадам, – шепнул он как-то Бланке, оставшись с ней наедине, – остерегайтесь вашего восточного соседа. Сегодня он поет вам песни, завтра уйдет в лагерь бунтовщиков, послезавтра снова запоет. Не нравится мне это. Кто даст гарантию, что он вновь не переметнется к Филиппу Строптивому?

– Для этого, ваше преосвященство, его должны обидеть.

– Обидеть? Но кто?

– Я или вы. Мне этого совсем не хочется, и вы сами знаете, почему. Вам же сделать это ничего не стоит.

– Мне, мадам? Но с какой стати?

– Всем известно, что вас, как и Тибо, считают едва не любовником вдовствующей королевы, ибо вы не оставляете ее своим вниманием ни днем, ни ночью. Да, да, и ночью. Несколько раз уже вы поднимали меня с постели, чтобы вместе с вами помолиться о невинно убиенных или о спасении моей души. Разве не так?

– Но ваше величество, – смиренно отвечал кардинал, разводя руками, – я всего лишь слуга Церкви и выполняю предписания, продиктованные слугам Божьим священным текстом, где апостолы Павел, Иоанн Богослов и Петр в своих посланиях предупреждают о Втором Пришествии Христовом и о том, что будут Новое Небо и Новая Земля вместо прежних...

– Ах, кардинал, оставьте при себе ваши библейские премудрости, у меня хватает и своих, от которых голова идет кругом.

Его преосвященство в ответ на это возвел очи горе и тяжело вздохнул, не желая возражать той, в которую, чего греха таить, с каждым днем все сильнее влюблялся.

– Так вот, – продолжала Бланка, – поскольку это соответствует истине...

– Соответствует? Что именно? – в ужасе округлил глаза легат. – То, что я ваш возлюбленный?

– Нет, ваше преосвященство, – не вы, а я ваша возлюбленная. Вот что истина. Об этом уже говорят повсюду, и скоро в нашем городе появятся памфлеты, высмеивающие в сатирическом духе нашу с вами связь. Наряду с ними появятся и другие, где вместо вашего имени будет красоваться особа графа Шампанского. Признаться, кардинал, я этого боюсь, – это нанесет огромный урон моему престижу и королевской власти. Исходить это будет от недовольных лиц. Полагаю, они не успокоятся на Шиноне.

– Вы считаете, стало быть, возможным новое выступление мятежной знати?

– И мы должны быть к этому готовы. А потому упаси вас бог, ваше преосвященство, обидеть как-либо графа Шампанского, которого, между нами говоря, вы недолюбливаете.

– Я, ваше величество? Вот так новость! С чего бы это вдруг мне стал ненавистен граф Тибо?

– Это оттого, что о нем говорят так же, как и о вас.

– Его считают, стало быть, вашим любовником?

– А вы разве не слышите, о чем говорит двор?

– Надеюсь, однако, мадам, – с плохо скрываемым любопытством спросил кардинал, – это не соответствует истине?

– А если и так, – не подумав, ответила Бланка, – то что, собственно, вам за дело до этого?

И тут она с опозданием поняла, что надо быть откровенной с представителем Церкви. «Уметь лавировать в бушующем море человеческих страстей между светской властью и духовной – вот что должен уяснить для себя правитель государства» – так учил ее в свое время свекор Филипп Август. И уже мягче она прибавила:

– Конечно же, это не так, если вам это интересно. Однако никто не запрещает графу Шампанскому иметь даму своего сердца, роль которой вполне может играть вдовствующая королева. Но любить женщину и спать с ней – вовсе не одно и то же. Вы согласны со мной?

– Безусловно, ваше величество, кто смеет возражать против этого?

– Надеюсь, кардинал, я удовлетворила ваше любопытство и облегчила вашу душу таким откровенным признанием.

– О да, безусловно, – повеселел легат. – Простите меня, мадам, если я своими подозрениями невольно оскорбил вас.

– Не будем больше об этом, кардинал. Прошу вас только не забывать, что мне нужна любовь этого человека. Да, да, вы не ослышались. Однако это нужно не столько мне, сколько Франции – королевству, которым мне предстоит управлять. Шампань – самый сильный союзник, и она влюблена в Париж, – может ли быть что-то благоприятнее этого для государства?

– Я понимаю вас, мадам, и поскольку я прислан сюда его святейшеством, чтобы всеми возможными способами помогать вам, то ставлю себе задачей не оскорблять Тибо Шампанского и не чинить ему козней, что, в конечном счете, может навредить той, кого я считаю самой прекрасной из королев.

– Нет, от воздыхателей мне, видно, не избавиться, – рассмеялась Бланка. – Один из них – легат его святейшества Папы Римского.

– Я? Воздыхатель? – тонко улыбнулся Сент-Анж. – Отчего вы так решили?

– Да ведь вы только что объяснились мне в любви! Разве вы этого не заметили?

Слегка покраснев, легат отвел взгляд. Некоторое время понадобилось ему, чтобы найти ответ.

– Надеюсь, это не будет вменено мне в вину вашим величеством? – открыто, ибо не стоило больше играть, спросил он, с любовью глядя в глаза Бланке.

– Никоим образом, ваше преосвященство, – ответила она ему таким же взглядом, – лишь бы это не затрагивало честь и достоинство того, о ком мы с вами говорим.

Не гася ни улыбки, ни теплого взгляда, легат кивнул в ответ.

– Я рада, господин кардинал, что мы с вами прекрасно понимаем друг друга, а значит, будем сохранять в дальнейшем, как и сейчас, дружеские отношения, – закончила Бланка такой нужный для нее разговор.

– Мы от всей души рады, граф, видеть вас вновь на свободе, – сказала Бланка, обращаясь к Феррану Фландрскому. – Поверьте, я искренне сожалею о том, что вам пришлось столько лет провести в заточении.

– Кажется, я обязан этим возведением на престол вашего сына, мадам, – ответил Ферран. – Во французском королевстве всегда было принято освобождать узников при новом царствовании. Впрочем, до меня дошли слухи, что я получил свободу благодаря настойчивым просьбам знатных людей королевства.

– Поверьте, я обошлась бы и без них, помня о том, что Фландрия с недавних пор является преданным вассалом короны.

– Жаль, что так не считал ваш покойный супруг, я обрел бы свободу на три года раньше. Похоже, его скоропостижная кончина открыла двери моей темницы. Однако вот вопрос: не

опасаясь ли возможного бунта ваших баронов из-за нежелания выполнить их просьбу, пошли вы на этот шаг?

– Было и такое, но мною руководила и другая мысль: я мечтала видеть вас в числе своих друзей и союзников. Поймите меня правильно: тот, кто открывает двери темницы, неизбежно становится узнику другом, разумеется, если до этого не был заклятым врагом. А мне очень нужен такой друг, как вы, ибо период междуцарствия, как известно, сопровождается мятежами. У юного короля много врагов, и ему очень не хотелось бы, чтобы в это число попали и вы.

– Вероятно, на это и рассчитывала знать, – вставил свое веское слово кардинал. – Она уже устроила мятеж, но Господь помог нам вовремя заметить опасность. Бунт подавлен, и вассалы принесли присягу верности, но это не значит, что они не выступят вновь. В наше время клятвы нарушаются так же легко, как и даются. В связи с этим, граф, правительство и Святой престол желают знать, каковы ваши взгляды на новую власть. Вдовствующая королева, опекунша своего малолетнего сына Людовика, намерена рука об руку с Церковью продолжать дело, начатое ее свекром – королем Филиппом. Ни пяди из завоеванной этим великим королем земли его внук уже не отдаст никому: ни мятежной знати, ни англичанам. Королевство Французское – есть мощная держава, и Рим благоволит к ее властителю, коему оказывает всяческую поддержку. Святой престол видит в державе франков своего самого сильного союзника в борьбе за чистоту христианской веры. Союзник этот не раз уже оказывал действенную помощь Риму в деле истребления еретической заразы, и его святейшество выражает надежду, что Франция и впредь останется самым надежным его другом. В этих условиях пойти против короля – восстать против папы. К сожалению, этого не хотят понять те, кто недоволен нынешним правительством, назначенным усопшим королем в его завещании. Возможно, мятежная знать готовит новый бунт, но очень скоро она раскается в этом. Рука Господа сумеет покарать тех, кто посмеет выступить с оружием в руках против миропомazanного государя и его матери-опекунши.

Вы вольны принять решение, какое вам самому будет угодно. По-видимому, бунтующая знать Бретани, Булони и Ла Марша рассчитывала обрести в вашем лице своего друга, коли она столь горячо просила освободить вас. Разумеется, вы не намерены забывать обиды, нанесенные вам покойным королем Филиппом, и не собираетесь их прощать. Невзирая на это, мы вас отпустим с миром в ваше фламандское графство. Можете строить козни, собирать войско и выступать против короны, но предупреждаю: гнев короля и Святого престола будет ужасным. Если в первый раз власть милостиво даровала прощение бунтовщикам, замышлявшим заговор против правительства, то в следующий раз она пойдет войной на их земли, а коли выступит против нее мятежный вассал с оружием в руках, то тем же оружием будет лишен головы.

Кардинал замолчал – пора перевести дух. Все время, пока он говорил, Бланка с безграничным уважением глядела на него. Смотри-ка, знает свое дело! Такого человека нельзя отпускать от себя ни на шаг. Рим знал, кого к ней послать. Не напрасно она не отвергла тогда его ухаживаний. Он, оказывается, способен не только влюбляться в королев, он еще тонкий и мудрый политик. Попробуй-ка после его слов пойдти против короны! Любопытно, что ответит граф. Сохранит в душе зло на свекра – окажется глуп. Потеряет все, а следом и голову. У нее одной 5 000 наемников, готовых пойти на кого угодно, 10 000 солдат в Шампани и Блуа. Остальная вассальная рать – еще около 10–15 тысяч. Сумеют разве Моклерк и Строптивый собрать такое войско? Одно худо: Генрих III! Вот кто не дает покоя Бланке. А потому важно отобрать у него союзников, поставив их к себе на службу. Этому отныне посвятила свою жизнь Бланка Кастильская и теперь с трепетом ждала ответа графа Феррана, понимая в то же время, что шансов у нее не так уж много. И дело не только в двенадцати годах, проведенных фламандским правителем в тюрьме. Торговля, будь она неладна! Вся экономика Фландрии стояла на торговле сукном, шерсть для которого поставляла... Англия.

Агнесса де Боже рассеянно слушала кардинала. Глядя на него, она украдкой, а то и вовсе не таясь, бросала быстрые недвусмысленные взгляды на Бильжо. Положительно, этот человек начинал ей нравиться. А она ему? Неплохо бы это выяснить. Она решила как можно дольше не отводить глаз от его лица. Должен же он поймать ее взгляд!

И это случилось. Но лишь на мгновение. Бильжо отвел глаза и стал смотреть сначала на кардинала, потом на Феррана, на королеву, в окно... и вдруг опустил голову. Но так уж устроен человек, что непременно желает снова взглянуть туда, откуда были устремлены на него чьи-то глаза. Он словно бы хочет проверить при этом, случайно ли он поймал на себе взгляд или тот задержался на нем в силу каких-то причин. Агнесса хорошо знала об этом и ждала, когда Бильжо снова посмотрит на нее. Не сможет не посмотреть, повинувшись человеческой природе.

Так и вышло. Их взгляды встретились снова. На этот раз Бильжо не спешил отвести глаза. Случайно или нет вновь скрестились их взоры? Похоже, нет. Не смущаясь, Агнесса продолжала глядеть на него. Он опять сделал вид, что не понимает причину столь явного внимания к себе. Агнесса старалась прочесть по его лицу ответ на мучивший ее вопрос, заметить на нем следы хоть малейшего смущения, но не увидела ничего. С таким же успехом она могла бы вопрошать гипсовое изваяние великого Александра, стоявшее в углу комнаты и молча взиравшее на нее из глубины веков.

Нужна была третья попытка. Человек, кто бы он ни был, два раза поймав на себе чей-то любопытный взгляд, да еще и сопровождаемый улыбкой, не сможет не взглянуть в это сторону еще раз. И Агнесса убедилась в этой аксиоме, снова увидев устремленные на нее холодные глаза. Она недоумевала: хоть бы малейшая искра любопытства вспыхнула в них или дрогнул мускул лица! Ничего этого не было и в помине. Перед ней стоял истукан с лицом ничуть не живее вырезанного из дерева языческого божества.

Это вызвало у нее досаду и желание во что бы то ни стало добиться того, чтобы на лице этого деревянного идола появилась хотя бы слабая улыбка. Это дало бы ей пусть маленький, но все же шанс на то, что следующая встреча с этим отлитым из бронзы Аргусом окажется теплее.

Такую цель она поставила перед собой и поэтому не торопилась в Провен. Бланка была только рада этому – у нее нашлась приятная собеседница среди окружавших ее мужчин.

Что касается беседы с узником, то она (не без известного подарка со стороны правительства в виде двух замков) принесла желаемые плоды: Ферран Фламандский стал верным вассалом короны и никогда не изменял королю.

А Генрих III, как ни был этим раздосадован, все же не посмел порвать торговый договор: Фландрия платила ему за шерсть золотом и серебром.

Глава 11. Агнесса де Боже хочет любить

Тибо, казалось, и вовсе забыл о Шампани и своем дворце в Провене, этом обиталище муз, в лице прекрасных дам, страстных любительниц и покровительниц певцов и поэтов. Его мысли были заняты дамой его сердца. Как только Бланка оставалась одна, он тотчас спешил к ней, дабы усладить ее слух новыми признаниями в верности и любви, выражавшимися в стихотворной форме. Целыми днями Тибо только тем и занимался, что сочинял свои мадригалы, которые декламировал вдовствующей королеве.

Бланка, скрывая усталость, апатию, а порою и раздражение, молча, выдавливая из себя приветливую улыбку, слушала его. Нетрудно было понять эту женщину. Ей было уже далеко за тридцать – не тот возраст, чтобы с упоением внимать бесконечным и едва ли не однообразным песенкам, в каждой из которых молодой граф без устали восхвалял добродетели прекрасной дамы своих грез. К тому же она недавно родила последнего ребенка – сына Карла, будущего короля Сицилии и Неаполя, правление которого вызовет народное восстание, вошедшее в историю под названием «Сицилийской вечерни».

Тибо, безусловно, понимал, что становится чересчур назойливым, но ничего не мог поделать со своей любовью. Он обожал сидеть напротив Бланки, глядеть в ее глаза и, держа ее руки в своих, говорить ей о любви. Иногда, разумеется, он «переключался» и рассказывал весьма любопытные пикантные истории из жизни провенского двора, потом клял на чем свет стоит графов Бретонского и Булонского, а заодно с ними Лузиньяна, по выражению самого Тибо «рenegата без души и сердца». Это они заманили его, возведя поклеп на королеву-мать и обещая пост первого министра при новом правительстве. Но очень скоро разговоры о политике надоедали ему, и он вновь принимался терзать уши вдовствующей королеве своими любовными излияниями.

Присутствие супруги в королевском дворце явно не понравилось ему. Нахмутив брови, он сердито спросил ее, какого черта она здесь делает. Уж не завела ли любовника? Что-то зачастила она в Париж.

– Зачастила? – искренне удивилась Агнесса. – С чего это вам взбрело в голову? Я и не помню, когда в последний раз была здесь.

– Ну так я напомним вам. С месяц тому назад, перед самым Шиноном, вас видели в королевском дворце.

– Меня? – разыграла удивление супруга. – Кто это вам сказал? Вероятно, произошла ошибка.

– На вашей лошади была попона с гербом Шампани.

Агнесса не подала виду, что испугалась, поймав себя на мысли о допущенной ею грубой оплошности.

– Ах да, действительно, – беспечно махнула она рукой, – я совсем забыла. А вы, оказывается, шпионили за мной?

– Что вы делали в Париже?

– Я? Что я делала в Париже? А вы как думаете? Вы покинули дом ни свет ни заря и помчались на запад. Так сказали мне слуги. Что же мне было думать? Чего ради вы, бросив все дела, поскакали неизвестно куда? Я подумала, что в Париж. Уж не к любовнице ли? Кажется, она довольно долго отсутствовала, но вот наконец вам сообщили, что она вернулась, и вы полетели к ней на крыльях любви, забыв о том, что у вас есть жена. Впрочем, в последнее время вы совсем перестали меня замечать. Уж не потому ли, что завели себе даму сердца?

Так из обороны Агнесса ловко перешла в нападение.

– Это не ваше дело, – буркнул в ответ Тибо.

– Еще бы, конечно, не мое, – продолжала супруга безошибочно выбранную тактику боя. – Это касается нового правительства, которое, как выяснилось чуть позднее, уличило вас в измене вассальной присяге королю!

– Я раскаялся в своем поступке и вновь принес клятву верности.

– Кому? Королю или вдовствующей королеве? Вы прямо-таки не отходите от нее. Не забрались еще в ее постель? Об этом уже сочиняют стишки. Почему бы вам самому не написать несколько строк на эту тему? Ей-богу, чудный вышел бы мадригал.

– Не суйте свой нос, куда вас не просят, занимайтесь лучше своими делами, – огрызнулся супруг.

– Что я и делаю, – парировала Агнесса. – Или вы желаете спросить, отчего я снова в Париже? Успокойтесь, я, в отличие от вас, приехала сюда не к своему рыцарю и даже не к мужу, а к родственнику, моему зятю – Фердинанду Португальскому, человеку, которого я люблю всей душой с раннего детства. Что вы молчите? Или вы не знаете, что граф Ферран на свободе? Может быть, для вас является новостью также то, что мы с ним любим друг друга, как брат и сестра? Ну так спросите у него самого, коли стали страдать забывчивостью.

– У меня прекрасная память, вам это известно.

– Ну еще бы! Вам долго не забыть позорного бегства из-под стен Авиньона, где вы оставили умирать короля Людовика, в смерти которого, я слышала, обвиняют вас.

– Замолчите! Клянусь, я непричастен к этому! Всему виной проклятая болезнь. Она сотнями укладывала людей на прокрустово ложе, и ни один из них не подходил под ее мерку.

– И вы, боясь оказаться в этом списке, решили удрать?

– Кончился срок моего вассального обязательства...

– Разумеется, возлежать у ног дамы своего сердца и декламировать ей свои стансы куда приятнее, нежели проливать кровь на поле брани.

– Черт бы вас побрал, мадам, и зачем только вы повстречались мне в этом коридоре! А ведь я хотел идти другим путем. Однако, прежде чем уйти, я скажу вам следующее, и зарубите это себе на носу: граф Шампанский Тибо Четвертый никогда не избегал опасностей, и никто еще не смел упрекнуть его в том, что он трусливо покинул поле боя. Вы должны бы об этом знать.

– Тогда и я скажу вам, пока вы еще не ушли: не смейте больше шпионить за мной. Это недостойно рыцаря и мужчины.

– Но и вы тогда уж, будьте так добры, не бросайтесь в погоню за своим супругом, услышав, что он уехал на запад.

И Тибо быстро ушел. Агнесса, улыбаясь, глядела ему вслед. Она была довольна. Сам Господь уготовил им эту встречу. Теперь у нее были развязаны руки. Единственно – надо упротить Феррана не торопиться покидать Париж: ездить с ним на охоту, на прогулку... занять чем угодно. Так у нее появится причина не слишком-то торопиться в Шампань.

И все же волей-неволей Тибо сам способствовал новому разрыву отношений с дамой своего сердца. Он все больше надоедал Бланке, и она, как ни крепилась, уже не имела сил благосклонно выслушивать его ежедневные признания в любви, выраженные в стихотворной форме. С каждым днем она все холоднее встречала своего воздыхателя, все печальнее становилось ее лицо, когда они оставались вдвоем. Тибо заметил это, что отразилось на его балладах: вместо весеннего мажора они дышали минором глубокой осени; в них стали звучать нотки грусти и отчаяния. Бланка была этому только рада – наконец-то ее поэт стал понимать, что она устала от его амурных сочинений.

Такая метаморфоза не могла остаться незамеченной кардиналом, и чем реже стал появляться в покоях королевы-матери Тибо, тем чаще перед ней мелькала лиловая мантия Сент-Анжа. Тибо это начало раздражать. Он ежедневно встречался с легатом в коридорах и кабинете-

тах королевского дворца, холодно здоровался и спешил пройти мимо, обменявшись с соперником парой ничего не значащих фраз.

Но еще больше Тибо ненавидел Бильжо. Как же мешал ему этот неусыпный страж, денно и ночью стерегущий покой королевы! При виде его у бедного поэта заплетался язык, туманился взгляд, он забывал концы строф. В его глазах Бильжо выглядел обыкновенным соглядатаем. Бланка выслушивала его сетования по этому поводу, но ничего не предпринимала. Бильжо был ее щитом, а для Тибо – третьим лишним, при котором он никогда не осмелился бы перейти грань дозволенных отношений, и Тибо порою готов был убить этого безмолвного стража, словно приросшего к платью любимой им женщины. Бланку же это вполне устраивало. Она предпочитала держать графа Шампанского на расстоянии, королевский статус диктовал ей такое поведение. Так же она вела себя с кардиналом, которому тоже не нравился чересчур уж бдительный охранник королевы-матери. Он даже стал подозревать наличие любовных отношений между госпожой и ее слугой, но не осмеливался высказывать своих догадок, боясь уронить свой престиж духовного лица и обнаружить что-то похожее на ревность с его стороны.

Об этом же, кстати, не раз думал и Тибо. Жаль, что им с кардиналом не удавалось найти общий язык, в противном случае им было бы о чем поговорить; эта тема, возможно, даже сблизила бы их. И не случилось бы того, чего так опасалась Бланка, – повторного мятежа. Кардинал, конечно же, не позволил бы Тибо вновь предать вдовствующую королеву. А тот был уже близок к этому. Равнодушие Бланки, недружелюбные взгляды легата, насмешки над ним придворных дам, которые нельзя было не заметить, да тут еще собственная жена...

Как-то в галерее с ним повстречалась некая дама. Пристально поглядела на него, сочувственно покивав головой, и, подойдя, откинула вуаль с лица.

– Герцогиня Бургундская! – пораженный, воскликнул Тибо.

– Не считите за бестактность мое вмешательство, граф, но не могу не сказать вам нескольких слов, – оглядевшись, торопливо произнесла Алиса де Вержи. – Можете ли вы выслушать меня?

Тибо был удивлен. Что надо от него герцогине?

– Говорите, мадам.

– Не обижайтесь на мои слова, но вы становитесь посмешищем всего двора. Вас отвергают, вас не хотят видеть! Или вы сами не замечаете этого?

– О чем вы?

– Нет ничего проще пригнать лошадь на водопой, но нельзя заставить ее пить. А ваша супруга готовится следовать по пути королевы Англии Изабеллы Ангулемской, наставляющей мужа рога у нее на глазах.

Тибо побагровел лицом и сжал кулаки.

– О ком вы говорите? Кто смеет домогаться графини Шампанской?

– Не мужчина, женщина всему виной. Кобыла не захочет – так и мерин не заберется на нее.

– Кто он? Назовите имя!

– Раскройте шире глаза. Тот, кто пожелает, – увидит. Но не понукайте лошадь, и она пойдет шагом.

– Вы имеете в виду Агнессу?

– Ваша тень делает те же движения, что и вы сами. Не поймете меня – вспомните Шинон; путь из Парижа до Беллема в два раза короче.

И Алиса де Вержи, накинув на лицо вуаль, быстро скрылась с глаз.

– У нас с Бильжо был о вас разговор, – сказала как-то Бланка Агнессе. – Он говорил, что вы глаз с него не сводите.

– Что же он, жаловался или, напротив, на его лице читался восторг? – с интересом спросила супруга Тибо.

– Легкая улыбка играла у него на губах во время нашей беседы; кажется, графиня, вы ему небезразличны.

– Ого! Так он, значит, умеет улыбаться? Поистине, это удивительно.

– Не будьте к нему слишком строги. Этот человек перенес большое горе. Его жена неожиданно умерла; их ребенку было в то время всего пять лет. Бильжо души не чаял в сыне, любил его сильнее родной матери, все свое время проводил с ним, мечтая вырастить из него храброго рыцаря. Но неведомая болезнь в скором времени вслед за женой унесла в могилу и сына.

Агнесса, приоткрыв губы и вскрикнув, рывком поднесла руки к груди.

– Отец упал в яму, обнял гробик и крикнул, чтобы их обоих засыпали землей. Но священник сказал, что это большой грех, который никому не в силах будет замолить, и душа несчастного останется неприкаянной до дня Страшного суда. Кое-как Бильжо вытащили из ямы. Он проплакал на могиле двое суток подряд, а потом бросился с обрыва в реку. Незачем жить, решил он, если нет на свете того, кому он мечтал посвятить свою жизнь. Значит, надо уходить в мир иной: там, вопреки тому, что говорил священник, души отца и сына воссоединятся, и ничто уже не сможет разлучить их.

– Кто-то видел, вероятно, как он падал, – произнесла растроганная Агнесса, утирая навернувшиеся слезы, – как иначе бы ему остаться в живых?

– С тех пор он стал таким, каким вы его видите, – кивнув, ответила Бланка. – Что-то умерло внутри у него, унося с собой земные радости и любовь к жизни и оставив вместо них неизбывную печаль.

– Бедный отец... Мне хотелось бы пожалеть его, приласкать...

– Не думаю, чтобы он нуждался в этом. Да и вам не следует напоминать ему о трагедии. Что потеряно – не найдется, что утонуло – не всплывет. Придет пора – он сам поведает вам свою историю.

– Но для этого необходимо достаточно близкое знакомство, а ведь мы не перемолвились еще и парой слов.

– Я устрою вам свидание, графиня, но для этого требуется, чтобы ваш супруг покинул Париж. Не станете же вы, в самом деле, крутить любовь с чужим мужчиной на глазах у собственного мужа.

– Это свидание неплохо бы ускорить – Фердинанд на днях отбывает во Фландрию. Догадываюсь, как не хочется вашему величеству отпускать его: так удобно наблюдать за фламандским графом, имея в виду, что кое-кто попытается перетянуть его на свою сторону. Боюсь, не так уж трудно будет склонить бывшего узника к выступлению против правительства.

Бланка кивнула, соглашаясь:

– Иногда я тоже думаю об этом, хотя мы подарили ему земли и он принес клятву верности.

– Ах, мадам, что такое нынче эта клятва? Отголосок прошлых времен. Делом должен славиться человек, а не своими обещаниями, которые очень легко нарушить.

– Не думаю, что Ферран пойдет на это, ведь тогда мы отнимем у него пожалованные ему земли. А если, обидевшись, он захочет развязать военные действия, король выступит на Фландрию с войском, и она из вассального владения станет частью королевского домена. Умный и дальновидный политик, граф не может не понимать пагубность такого шага. Яркие примеры из времени правления моего свекра должны напоминать ему о том, как сюзерен наказывает вассала за неповиновение.

– Оставим это, ваше величество, поговорим лучше о моем супруге. Как нам с вами суметь отправить его обратно в Провен? Ведь вы, догадываюсь, вовсе не испытываете удовольствия от его ухаживаний, сопровождаемых чтением собственных сочинений.

– Постараюсь в деликатной форме дать ему понять, что он просто смешон в роли трувера у моих ног.

– А я попробую удержать в Париже Феррана. С его отъездом, увы, мне придется вернуться домой. С одной стороны это хорошо – я всегда смогу подслушать разговоры своего мужа с гостями. С другой стороны – плохо, потому что мое свидание с Бильжо откладывается на неопределенный срок.

– Как только Тибо уедет, я немедленно устрою так, что вы останетесь вдвоем.

– Постарайтесь, ваше величество, не нагрубить моему супругу. Человек непостоянный и ранимый, он может вновь переметнуться в стан врагов, которые только этого и ждут. Мне доложила моя камеристка, что она будто бы повстречала в королевском дворце герцогиню Бургундскую.

– Алису де Вержи? Что ей здесь надо?

– Не знаю. Впрочем, камеристка могла и ошибиться.

– Так это или нет, герцогиня не станет устраивать заговоры. С чего бы это вдруг ей вздумалось перейти на сторону врагов короля? Если же это так, я непременно увидела бы ее в числе заговорщиков в замке Шинон.

– Она могла укрыться в подземелье или где-то еще, едва узнала о приближении королевского войска. К чему ей компрометировать себя?

– Но и причин выступить против меня у нее, если вдуматься, нет никаких.

– Как знать, ваше величество. Все же имейте ее в виду. Эта дама может быть не менее опасной, чем семейство де Дрё и дядя юного короля.

– События покажут, правы ли вы, графиня. А пока мой долг – оказать вам услугу, как совсем недавно вы оказали ее королю.

– Я всегда была верна короне, государыня, – с легким поклоном ответила Агнесса де Боже.

Едва графиня вышла из покоев королевы, от стены отделилась женская фигура, и в темноте узкого коридора прозвучал голос одной из придворных дам, Адаларии де Тортевиль:

– Я слышала все, что хотела услышать.

Вслед за этим послышался шорох платья и звук быстро удаляющихся шагов.

Глава 12. Женщина идет защищать Францию!

Бланке не пришлось долго выбирать между двумя воздыхателями; она предпочла кардинала. Во-первых, он не пел ей нудных песен и не читал утомительных стихов; во-вторых, в ее расчеты не входило ссориться с легатом, отдавая его, таким образом, от себя. Порывать с Тибо, разумеется, тоже не стоило, и она осторожно и недвусмысленно высказала ему все, что думает о его слишком уж назойливом внимании к ее особе. Укор был сделан не в грубой форме, но Тибо обиделся и пообещал немедленно же покинуть Париж. Это отвечало желаниям Бланки, но грозило обернуться катастрофой.

– Не обижайтесь, граф, – мягко сказала она ему, – поезжайте к себе в Провен или Труа, отдохните, да и у меня будет время собраться с мыслями и всерьез заняться делами королевства. Я тотчас же призову вас, едва возникнет нужда в вашей помощи. Увы, мир с мятежными баронами шит белыми нитками; догадываюсь, они готовят новый удар в спину монархии.

Тибо воспринял это как отставку и нежелание видеть его отныне при дворе. Не раздумывая больше, он отправился к себе в Шампань, – злой на королеву, полный самых противоречивых чувств. Супругу он оставил в Париже, даже не простившись с ней. Пусть делает, что ей вздумается. В Провене его ожидал блестящий куртуазный двор с поэтами, музыкантами и женщинами, с которыми он будет развлекаться ночи напролет.

Но недолго занимали Тибо развлечения. Его жгла обида, бередили душу воспоминания об унижениях. Он желал мстить всем, кто смеялся над ним, мешал ему: королеве, кардиналу, Бильжо. Он мечтал о замене правительства новым, где никто не будет попирает его достоинство, где он будет первым министром и с высоты своего высокого поста станет командовать юным королем, а не валяться в ногах у его матери. О, она горько пожалеет, что не ответила на его любовь. Теперь не она – он будет приказывать, и ей ничего не останется, как выполнять его волю. Вот когда придет время отомстить за свои унижения и заставить гордую испанку пасть к его ногам, если не захочет быть высланной из страны.

Для этого необходимо вновь примкнуть к мятежной знати. Она готовит новое выступление, он догадывался об этом. Ей нельзя сидеть без дела, она слишком долго терпела обиды от короля Филиппа. Она стала зависимой от монархии! Разбить, уничтожить эту зависимость и вернуть себе былые свободы – вот задача баронов. А не выйдет – так значительно ослабить узы этой зависимости. Но где гнездо оппозиции? Куда отправляться? В Тулузу, Бретань, Булонь?..

И тут ему припомнилась встреча с герцогиней Бургундской. Что она ему сказала тогда? Какое-то слово... Название крепости. Какой? Надо вспомнить. Алиса де Вержи приглашала его. Она знала, что он долго не выдержит. Тонкая бестия! Она указала ему направление. Но куда?! Этого Тибо, как ни старался, вспомнить не мог.

И не знал граф Шампанский, что на другой день после того как он покинул Париж через восточные ворота, через западные выехал другой всадник и помчался в направлении графства Алансон. Еще через день, ближе к ночи, всадник подъехал к замку Беллем и постучал в ворота. Услышав пароль, его впустили и повели к донжону. Поднявшись по винтовой лестнице, освещаемой факелами, незнакомец вошел в зал и остановился. Сидевшие за столом люди молча воззрились на него, не узнавая. Один из них поднялся, обогнул стол, подошел ближе и коротко спросил:

– Кто ты?

Неизвестный снял с головы шлем, тряхнул головой. По плечам его рассыпались шелковистые волосы.

– Адалария де Тортевиль!

– Да, это я, – произнесла одетая в мужской костюм дама, – и я привезла вам новость, которую вы, Лузиньян, и остальные давно ждали.

– Он бросил ее! – не смог сдержать радости граф Булонский. – Она прогнала его, и он оставил Париж?

– Трувер доконал испанку любовными стишками и песенками. Кардинал не сочиняет и не поет, и это ее духовный щит. Она выбрала его.

– Осмеянный двором и обозленный, фигляр помчался к себе в Провен искать утешения в объятиях шлюх.

– А его жена? Она что же, будет смотреть на это сквозь пальцы?

– Да, потому что ей не останется времени наблюдать за своим супругом, у нее хватает и своих забот. В то время как ее муженек развлекается со своими фрейлинами в Провене, Агнесса де Боже наставляет ему рога в Париже.

– Любопытно, с кем же это? – пожелал узнать герцог Бретонский.

– С телохранителем испанки. Его зовут Бильжо. Не отходит от нее ни на шаг.

– Это нам известно. Что еще имеете вы сообщить? Бильжо – это то, чем расплачивается королева за оказанную графиней де Боже услугу. Вспомните Шинон, господина. Какую, по вашему, услугу могла оказать королю супруга Тибо Шампанского?

Некоторое время все молчали. Пьер Моклерк первым догадался:

– Это Агнесса де Боже выдала нас!

– Bravo, герцог! Именно об этом я и хотела сказать. Теперь всем понятно, надеюсь, что ей ничего не стоит сделать это и во второй раз.

– Сомневаюсь, – высказался граф де Дрё. – Откуда ей может быть известно о наших планах и о том, что мы здесь?

– Наша задача в том и состоит, чтобы этого не допустить. Тем не менее надлежит выслать гонца к Тибо. Нам не обойтись без такого сильного союзника.

– Вы что же, хотите второго провала? – воскликнул Филипп Строптивый и, вскочив с места, принялся ходить из угла в угол. – Лично я не собираюсь вновь вымаливать прощение и приносить иностранке клятву верности, которой она уже не поверит.

– Но ведь Агнесса в Париже! – возразил Лузиньян. – Допустим, в первый раз она подслушала беседу мужа с посланцем. Во второй раз она уже не сможет этого сделать.

Пьер Моклерк был не согласен с этим.

– У нее тоже есть свои люди. Кто поручится за то, что одному из них не станет известна беседа с тем, кого мы пошлем к Тибо?

– Стоит ли вообще это делать? – заметил граф де Дрё. – Тибо знает, где нас искать. Герцогиня сказала ему об этом.

– Это верно, но сколько времени прошло с тех пор! – высказал свои опасения Моклерк. – Во-первых, Тибо мог забыть название крепости. Во-вторых, если и вспомнил, то будет долго раздумывать, взвешивая все за и против. Нам некогда ждать! Посланец должен поторопить его. Пусть выезжает ночью. Очень скоро граф будет здесь. Испанка ничего не успеет предпринять – у нас все готово, мы ждем только Тибо!

– Итак, – после короткого молчания подвел итог граф Филипп, – отошлем посланца?

– И немедленно!

– А как быть с той, что выдала наши планы испанке?

– Убить! – сразу же постановил Лузиньян. – Но вы говорите, мадам, Агнесса наставляет муженьку рога? Так сообщим ему о супружеской верности графини де Боже. Ну а коли он не свернет ей шею, мы сделаем это за него. Меч карающий должен покарать предательницу.

– На том и решим, – поставил точку в разговоре герцог. – Тибо приведет с собой сотню рыцарей, вместе с нашими силами это составит внушительное войско.

– У короля много наемников и они неплохо умеют драться, – сверкнул глазами граф де Дрё. – А у нас всего двести рыцарей вместе с теми, которых приведет Тибо, не считая пехотинцев и лучников. Достанет ли наших сил?

– Наемники! – ухмыльнулся герцог. – Да разве это воины? Им бы только жечь да грабить. Рыцари вмиг разгонят этот сброд.

Дебаты долго не утихали. Наконец утром следующего дня из Беллема выехали два всадника и помчались в сторону Шартра, оттуда – на Провен.

Бланка тем временем ждала известий от лазутчиков. Она чувствовала: бароны опять что-то затевают. Об этом неустанно твердил ей и кардинал.

– В этот раз они не будут столь беспечны, – предупреждал он Бланку. – Папа недвусмысленно указывает на недопустимость выступления знати против миропомазанника Божия; восстание должно быть безжалостно подавлено монархией. Королю Франции во всем следует походить на своего великого деда Филиппа Августа, которого Святая церковь предполагает канонизировать.

– В самом деле? – воскликнула Бланка и в порыве радости горячо пожала руки кардиналу. – Я буду признательна его святейшеству! Церковь помнит великого короля и его деяния! Мы с сыном отправимся в Рим, чтобы выразить нашу глубокую признательность наместнику Господа на земле.

– Вы правы, ваше величество, это и в самом деле был выдающийся монарх. Видит Бог, Святой престол искренне скорбел о его кончине. Но его, увы, больше нет, и нам с вами и юным королем надлежит продолжать дело вашего свекра, направленное к расширению границ великой французской державы. Она должна изгнать англичан с континента, а вместе с ними отпадут и гнилые ветви, мешающие дереву расти.

– Вы допускаете возможность связи мятежной знати с Генрихом Третьим?

– Я уверен в этом, ваше величество. Больше того, это он направляет действия бунтовщиков, обещая им золотые горы в том случае, если они помогут ему отобрать у короны завоеванные Филиппом Августом территории.

– Я догадываюсь об этом и жду. Они должны дать знать о себе. Нас немедля известят об этом разведчики, которых я разослала во всех направлениях. Мы тотчас двинем на мятежников войска. Вам известно – на подступах к Парижу стоит наша армия. Она ждет только сигнала.

– Я восхищаюсь вашей предусмотрительностью и умом, – коротко ответил легат.

И день, о котором постоянно говорили на королевских советах, которого все с тревогой ждали, наконец настал. Бланке доложили, что в графстве Алансон, вокруг Беллема, концентрируется сильное войско. Рыцари, лучники, копейщики. Стоят лагерем, явно ждут сигнала. Два монаха, посланные в южном направлении кардиналом (безобидные паломники, никто бы не подумал, по чьему приказу они трусят на ослах вдоль больших дорог), сообщили, что возле Мелена видели большой отряд в двести шпор (сто всадников). Миновав Мелен, рыцари взяли направление на Этамп, потом на Шартр. Кто их вел, не удалось выяснить. Из Шартра они направились в сторону Алансона.

По приказу королевы графиня де Боже тотчас же отправилась в Провен. Не одна – с ней слуги и двое провожатых, которых дала ей Бланка. Случилось то, чего и опасалось правительство: Тибо в Провене не было. Где он – никто сказать не мог. Помогли те, кто верно служил графине Агнессе. От них она узнала, что поздно ночью в замок прискакали двое верховых. Содержание беседы с владельцем замка осталось неизвестным. На другой день выяснилось: граф Тибо исчез.

Дождавшись гонца от Агнессы и выслушав его, Бланка все поняла. Теперь не дни, не часы – минуты решали будущее династии. И Бланка, спешно собрав совет, решительно объявила:

– Войско – в боевую готовность! Мы выступаем на Беллем. Немедленно! Сей же миг! Всякая задержка будет рассматриваться как дезертирство и предательство. Ослушников, смутьянов – казнить на месте без суда!

Зала мигом опустела. Королева устало упала в кресло. Кардинал, стоя рядом, сочувственно глядел на нее. А она, закрыв ладонями лицо, вдруг заплакала. И из-под ее ладоней, мелко вздрагивающих на бледном лице, кардинал услышал негромкие, горькие слова, звучавшие как упрек и одновременно говорившие о боли, которая терзала преданное королевству сердце этой женщины:

– Тибо... Как он посмел?.. Боже мой, что он наделал... А теперь я на него с мечом...

И замолчала, только слезы струились из-под пальцев.

Кардинал ждал. Это не все, она должна еще что-то сказать. И услышал немного погодя:

– Господи, молю тебя, сохрани ему жизнь!..

Кардинал не шевельнулся. Ему не надо было ничего объяснять. Он хорошо понимал, что в эти мгновения в королеве-матери говорила отнюдь не любящая женщина; ее устами вещал государственный муж и мудрый руководитель.

Ладони опустились. Одним движением Бланка стерла платком остатки слез с лица.

– Ваше преосвященство, вы остаетесь здесь?

– Нет, государыня, я иду облачаться в доспехи. Но вы... Как! Неужели собираетесь ехать с войском?

– Я поеду во главе его. Они должны меня видеть! У меня в руках будет королевское знамя, а на голове – шляпа с пером. Я королева, и я поведу своих воинов под стены Беллема! Бильжо, мою кольчугу и меч! Женщина идет защищать Францию!

Глава 13. Новый бунт

Генрих III Английский, которому не давали покоя территории на континенте, захваченные у его отца Филиппом Августом, мечтал вновь отобрать их, хотя бы часть. Период междуцарствия и кажущаяся слабость нового правительства позволяли ему надеяться на успех. В этом деле ему, несомненно, помогли бы мятежные бароны, недовольные новой властью. Их надо было задобрить, наобещать им вольности и горы до небес. Любыми клятвами и посулами он должен был перетянуть их на свою сторону, сделать их своими союзниками. Претворяя в жизнь этот план, он пошел еще дальше: запросил помощи у императора Фридриха II и написал фламандскому графу Феррану, обещая вернуть ему территории, отобранные у Фландрии Францией, и дать много денег.

На континент Генрих отослал представителя Англии графа Ричарда Корнуэльского, своего брата. Тому вменялось, действуя от имени короля, всеми силами поддерживать восстание знати. Сейчас он находился в Беллеме. Напутствуя брата, Генрих говорил ему незадолго до отъезда Тибо из Парижа:

– С королем Филиппом Французским боролся еще наш дед, за ним – наши дядья, а потом и отец. И не одолели его! Теперь он умер, и ситуация изменилась. Однако Франция сильна, и силой нам одним с ней не справиться. Значит, надо взять ее хитростью и предательством.

– О ком идет речь? Об узниках Лувра?

– Изменив однажды, они изменят и в другой раз хотя бы из желания отомстить. Друзья должны уговорить их.

– Кто они?

– Вассалы короны. Вот с кем в первую очередь, а не только с пленниками, надо искать контакт. Обещай им все, чего они ни пожелают. Важно завладеть землями, хозяином которых был наш дед! Захват английских территорий на континенте незаконный! У них нет юридического акта, подтверждающего право на владение Нормандией, Анжу и Меном. Помни это, брат!

И бароны вместе с Ричардом терпеливо стали поджидать графа Шампанского, на военную помощь которого и талант полководца возлагали большие надежды.

Но кто бы мог подумать, что на пути Генриха III и мятежной французской знати встанет... любовь!

Лузиньян первым приветствовал Тибо, когда тот вошел в зал. Он же, выслушав любовную историю гостя, и начал с ним разговор.

– Наше выступление – месть за причиненные нам обиды, за наши унижения. Долой женщину! Отправим ее домой! Она слишком высокого мнения о себе, коли пренебрегает услугами такого соседа, как Шампань. Чего доброго, ей придет в голову захватить ваши земли и объявить их собственностью короны. Вам надлежит возвести крепости на границе с королевским доменом, скажем, близ Ланьи, Провена и Труа. Так будет спокойнее.

– Именно это я и собирался сделать, но королева запретила мне, – ответил Тибо.

– Да это просто тирания! С какой стати она вмешивается? Впрочем, если подумать, ответ найдется: всегда легче двигаться вперед, не встречая препятствий. Одно непреложно: она не нуждается в ваших услугах, Тибо. Гораздо охотнее она льнет к кардиналу и графу Фландрскому.

– Думаю, королеву нетрудно понять: она боится, что мы попытаемся перетянуть бывшего узника на нашу сторону. Надо сказать, ее опасения обоснованы.

– Генрих Третий пишет письма во Фландрию. Нам нужен такой союзник.

– Граф Ферран принес клятву верности новому правительству. В случае измены у него отберут замки, подаренные ему королем.

– Он не сможет не согласиться на предложение своих друзей: это по нашей настоятельной просьбе он был освобожден из тюрьмы. Мой брат напомнил ему об этом.

– Полагаю все же, он будет благодарен скорее королю, нежели своим друзьям, – возразил Тибо. – Но время покажет. Мне хотелось бы знать еще вот что: какие гарантии мы получаем от английского короля? Ведь восстание, настолько я понимаю, готовит он. Что скажет об этом его представитель на континенте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.